

ГЛУЦУРРО
ДМИТРИЙ

18+

ЛЕГЕНДЫ СЭНГДКУ
ЗОЛОТОЙ ОСТРОВ

Легенды Сэнгоку

Дмитрий Тацуро

Легенды Сэнгоку. Золотой остров

«Автор»

2018

Тацуρο Д.

Легенды Сэнгоку. Золотой остров / Д. Тацуρο — «Автор»,
2018 — (Легенды Сэнгоку)

ISBN 978-5-532-11741-9

Япония, 16-й век, период Сэнгоку-дзидай. Молодой даймё Нагао Кагэтора достиг своей цели и положил конец распрям, царившим в родной провинции. Но старые деяния его отца не дают ему спокойно наслаждаться миром. Давние союзники клана Нагао просят Кагэтору поддержать их в предстоящей войне. Теперь путь благородного даймё лежит на остров Садо, где не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

ISBN 978-5-532-11741-9

© Тацуро Д., 2018
© Автор, 2018

Содержание

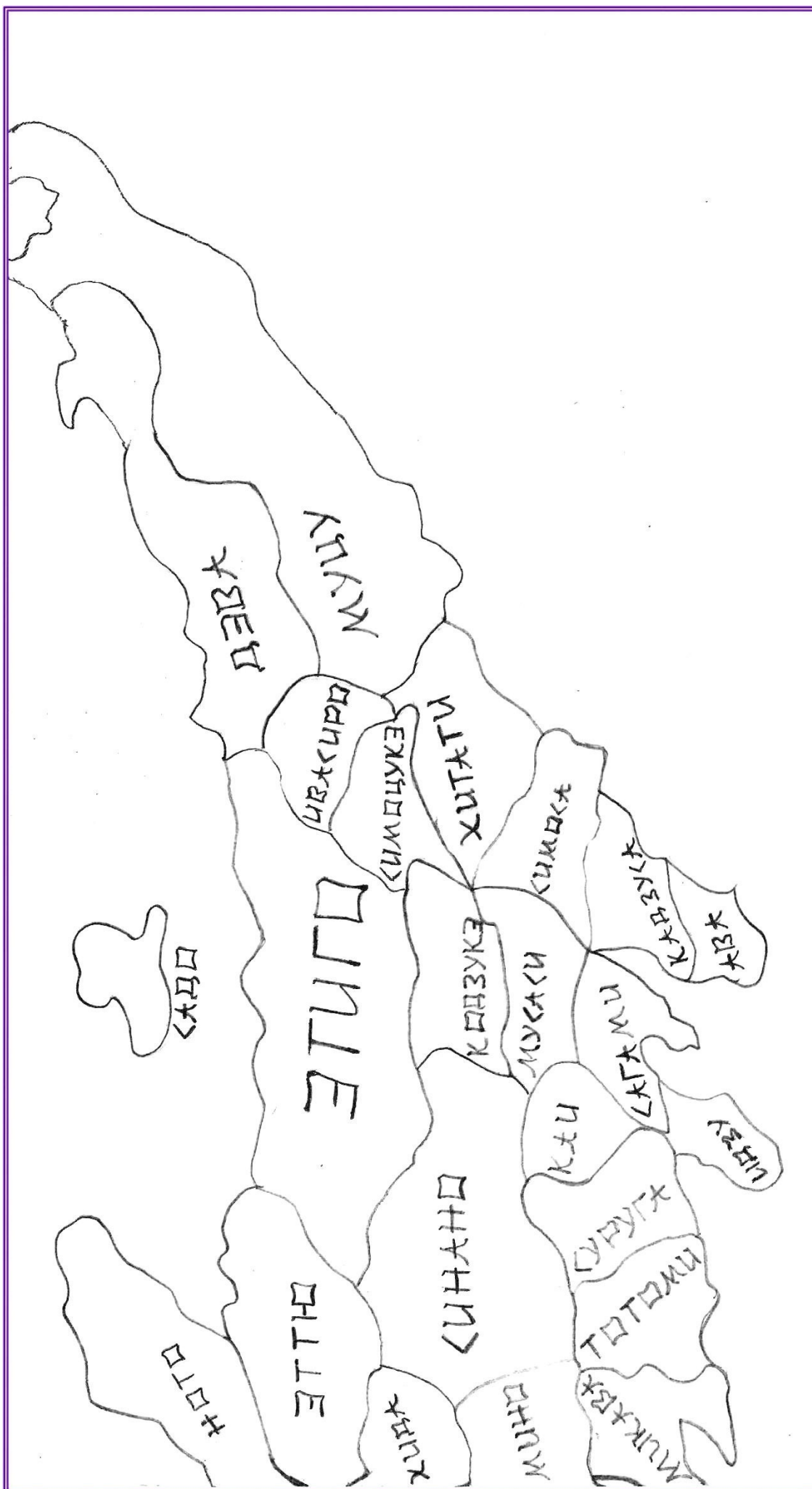
Карты	5
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Тацуро

Легенды Сэнгоку. Золотой остров

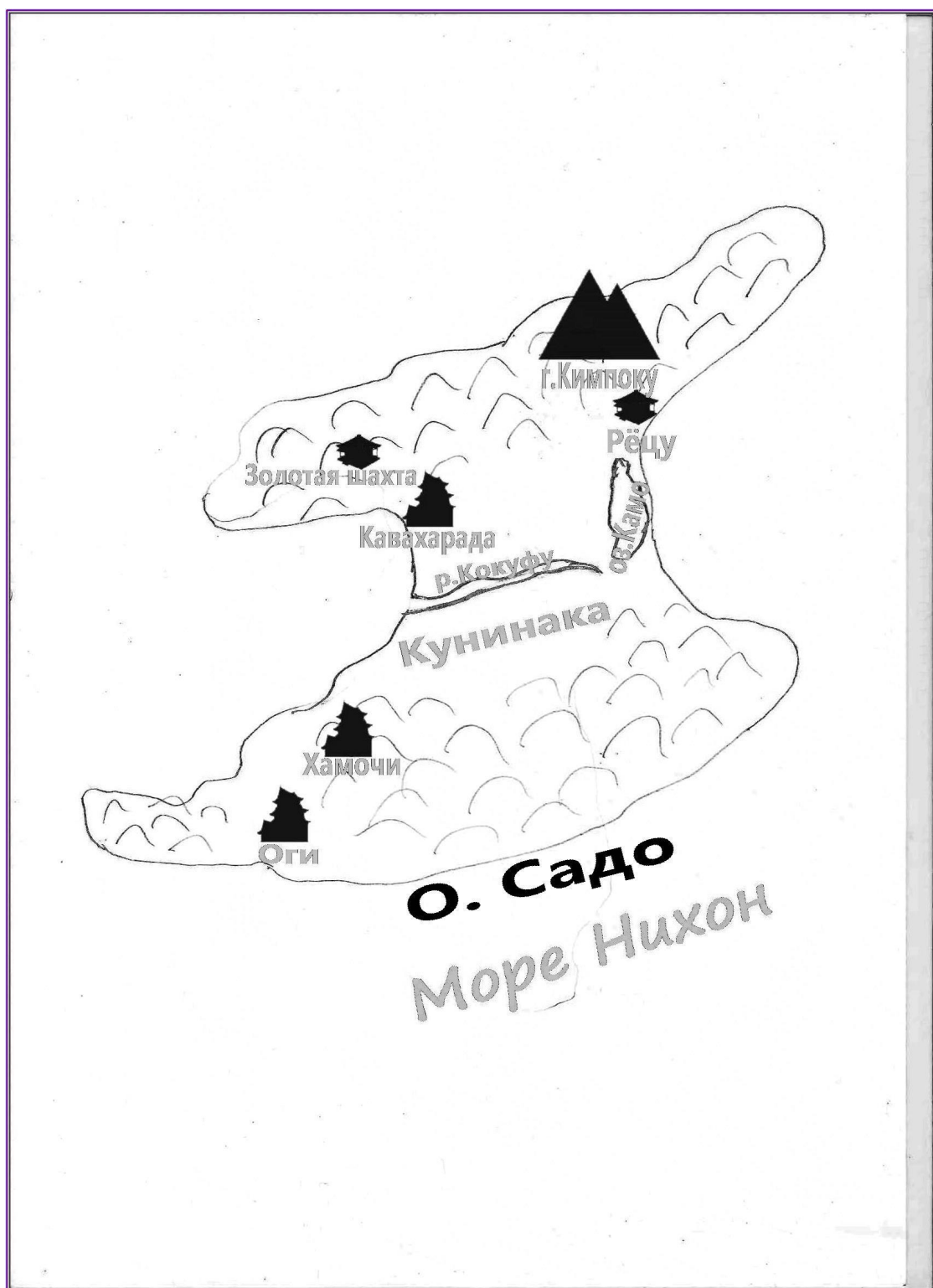
Карты

Хиномото восток

Хиномото запад

Остров Садо

Пролог

Дождь барабанил по полусгнившим доскам энгавы, разбрызгивая капли во все стороны. Пол в помещении тоже намок. Прохудившаяся соломенная крыша, больше не спасала от непогоды и вообще, грозилась обвалиться в недалёком будущем. Сломанные, грязные фусума были разбросаны по всему дому и саду, прилегавшему к строению. Впрочем, и сад находился в ужасном состоянии. Некогда, ухоженный и цветущий, он порос травой и сорняком. Никто больше не ухаживал за храмом, что когда-то, основали последователи Нитирэна¹.

На полу, в одном из помещений, лежал человек. Он не издавал ни звука, не шевелился и, возможно, уже не дышал. Хотя, глаза его были открыты, а нижнее веко, то и дело, подёргивалось от монотонного стука дождевых капель по полу. Голова его была обрита наголо, глаза впали и почернели, а лицо сильно исхудало, что создавало впечатление, будто он и в правду умер или подходит к этому.

Человек действительно балансировал на грани жизни и смерти. Он уже и не помнил, сколько лежит на этом холодном и мокром полу. Единственное, что он знал, это то, что слёг он как раз в канун сезона дождей. Но сколько прошло с того времени, два, три дня, может десять? А что было до этого?

Раньше он тоже не особо, шевелился. Настоятель постоянно заставлял его подметать сад, мыть полы и всё в этом роде, но человек отлынивал, проводя дни и ночи в постели, ссылаясь на плохое самочувствие. А настоятель, где он? Возможно, тоже слёг, как его подопечный, ведь старик уже. А может он и вовсе удалился из старого храма, бросив своего ленивого сожителя. Во всяком случае, это уже не имело, для бритоголового человека, ни малейшего значения. Он ждал смерть. Позорную, никчёмную. В холодной, сырой постели, на гнилом полу старого храма.

Монах попытался повернуться на бок, но тело его не послушалось. «Проклятье! – выругался он про себя. – Когда же, наконец!» Говорить он мог только в своих мыслях, любой звук из его уст сопровождался рвотным кашлем и сгустками крови, которыми он заплевал уже всё своё одеяло и подушку. «Этот проклятый дождь! Когда же он прекратится и даст мне спокойно умереть?! Кап, кап, кап...» Нервы человека были на пределе, сил ждать больше не было. Почему он не умер тогда, когда ему предоставили эту возможность? Тогда, – это до того, как он обрил голову и прибыл в этот треклятый, разваливающийся храм.

Те события, минувших дней, были для человека утеряны во времени. Тогда, он мог ещё ходить и держать меч в руках. Но проклятая война забрала у него всё; семью, земли, людей, оружие и жизнь. Война, которая затянула его с ног до головы, которую начал не он, а ещё задолго до его рождения. И ему, довелось появиться на свет в это кровавое время, да ещё и в измазанной по локоть в крови, семье. «Всё из-за них! – проклинал в своих мыслях человек. – Всё из-за этого поганого клана! Будь они трижды прокляты!» Эту войну он проиграл и за это поплатился, не жизнью, а всего лишь своим жалким существованием. Он мог совершить сэппуку, как подобало человеку его статуса, но не стал. Тот человек, которому он проиграл, отказался убивать его, а вместо этого отправил в это промозглое, забытое богами место.

Бритый человек, оставил попытки поменять свою позу и остался лежать на спине. «Ну, кода же?!»

¹ Нитирэн – буддийский монах в 13-м веке, основавший школу Нитирэн-сю. Он пришёл к выводу, что наивысшее учение Будды сосредоточено в Лотосовой Сутре. За свои проповеди подвергался гонениям и был два раза сослан. В ссылке на острове Садо, приобрёл много последователей, которые и после его отъезда, продолжали проповедовать его учения.

Стало смеркаться. Под вечер дождь усилился и подул сильный ветер. Монах, уже продрог от холода и влаги, но не мог даже сжаться, чтобы хоть немного согреться, – всё тело онемело от макушки до пяток. Может, этой ночью, смерть наконец-то заберёт его?

– Конбанва! – послышался, чей-то голос. Мягкий, приятный, похожий на женский.

«Кто это? – подумал человек. – Женщина? Откуда женщине взяться в этой глуши? Вокруг только лес и не одного поселения? Я брежу?»

– Вы слышите? – снова раздался женский голос. – Я с вами поздоровалась.

Монах только рот открыл, не в силах выдать и звука. «Кто ты? Где? Я тебя не вижу! – мысленно произносил он. – Покажись!»

– Я здесь, за вашей спиной! – словно ответил на мысли человека голос, став немного насмешливым, игривым. – Повернитесь! Я же не могу разговаривать с вашей спиной!

«Я не могу не шевелиться, не говорить, лучше оставь меня в покое!» – из глотки послушника вырвался сдавленный стон.

– Вы можете, я знаю! – женщина и вправду отвечала на его мысли. – Если бы не могли, то умерли бы давным-давно!

«Что за невидаль! – человеку стало немного страшно. Он только сейчас понял, что вокруг царил полная тишина. Дождь прекратился, ветер перестал дуть, и даже листья на деревьях не издавали ни единого шелеста. – Кто ты женщина? Человек или демон? Может просто мой бред?»

– Я сказала, повернись и поговори со мной! – голос прозвучал гулко, жутко, со странным рычащим отзвуком, словно говорили двое.

Монах испугался и дрогнул. Стало быть, нужно повернуться. Он собрал силы, какие мог, и медленно начал перекачиваться на левый бок, чтобы видеть пугающую собеседницу. С неопишуемой болью внутри груди, со стоном отчаяния, с чувством злости, человек перевалился. Глаза он открыл не сразу. Отдышался. Всё это болезненное действие отняло у него столько сил, будто он катил, вверх по крутому склону, огромный валун.

Наконец, он увидел воочию обладательницу странного голоса. Это действительно была девушка, ослепительной красоты. Человеку даже показалось, будто она окутана ореолом золотого сияния. Волосы её были распущены и ниспадали по ярко-алому фурикодэ, с чёрно-серебристым замысловатым рисунком, до самой талии, стянутой золотистым оби. Кожа была гладкая, цвета слоновой кости, а на правой щеке красовалась маленькое родимое пятно. Подведённые, пурпурной тушью, веки, предавали ей, какой-то особенный, хищный взгляд.

– Поздоровайся со мной! – голос незнакомки снова приобрёл мягкий, игривый оттенок.

«Проклятье! Чего она привязалась?!» – монах, едва сдерживая кашель и рвоту, произнёс:

– Кон-бан-ва.

– Молодец! – обрадовалась она. – Я же говорила, что в тебе есть ещё силы!

– Кто ты? – человек продолжал вырывать слова из своей глотки.

– Я девушка! – хихикнула незнакомка.

– Из-де-ва-ешь-ся?

– Немного! – она стрельнула косым взглядом и игриво улыбнулась.

– Чего ты хо – чешь?

– Мне нужен ты.

– Зач... – из глотки монаха вырвался истошный кашель со сгустками крови. Девушка безразлично скривила маленькие, алые губки и отвернулась. Прокашлявшись, человек закончил. – Зачем?

– Я могу тебя вылечить. – эти слова прозвучали для бритоголового монаха искрой надежды. И всё же, сомнительно. – Не бойся! – успокаивающе произнесла незнакомка. Она подошла к человеку и притронулась своей маленькой, белёсой ручкой к его голове. Монах почувствовал теплую, нежную кожу женской ладони. Как давно он не ощущал подобного. В

его груди забилося сердце. Он даже перестал чувствовать тот нарастающий ком внутри себя и наконец-то, легко вздохнул.

– Что! Что ты сделала? – вырвались у него членораздельные слова. Он, жадно, начал хватать ртом прохладный, свежий воздух, словно вынырнул после долгого пребывания под водой.

Девушка медленно отошла назад, милосердно улыбаясь, радости бывшего больного. Человек ликовал. Он не только мог дышать в полную грудь, но и легко смог подняться с постели – онемение как рукой сняло. Он прыгал, приседал и даже заорал во всё горло.

– Как ты это сделала?! – восторженно спросил он. – Можешь не отвечать. Ты моя спасительница! Я у тебя в неоплатном долгу! Только подумать, я живой!

Счастью человека не было предела, эмоции, и слова благодарности сыпались из него неисчерпаемым потоком. Девушка, по-прежнему, стояла в стороне и молча наблюдала, за радующимся монахом. Когда тот, наконец, успокоился, она спросила:

– Что ты теперь намерен делать?

– Не знаю. – он недоумённо посмотрел на незнакомку. – У меня ничего нет. Всё, что я имел, было отнято моими врагами.

– И ты не хочешь им отомстить? – задала она наводящий вопрос.

– Я бы всё отдал за это. – человек сжал кулаки. Его густые брови, грозно сдвинулись к переносице.

– Я думаю, ты не собираешься лишаться того, что я тебе дала? – девушка настороженно прищурилась. – Я ведь могу мгновенно вернуть тебя в прежнее состояние.

Монах отпрянул на несколько шагов назад. Хоть эта незнакомка и выглядела безобидно, что-то в ней, его пугало.

– Кто ты такая?

– Ты же сам сказал, я твоя спасительница! И ты передо мной, в неоплатном долгу.

– Говори! Что я могу для тебя сделать?

– Самую малость! – девушка снова игриво хихикнула. – Ты просто должен отомстить своим обидчикам.

– Тебе с этого, какой прок? – не понимал человек.

– Мне нужны души. Души твоих жертв. – эти слова прозвучали из её уст, будто она не сказала ничего такого, всё будто, само собой разумеется.

– Ты демон!? Ёкай!?! – монах снова отпрянул назад, уткнувшись поясницей в пол энгавы. – Я не хочу связываться с демонами!

– Тогда, сдохнешь здесь, мучаясь в своих тошнотворных агониях, корчась в своих же кровавых слюнях! – снова раздался этот двойной, жуткий голос.

– Ты и вправду демон! – человек побелел от страха.

– Решай! – грозно прикрикнула девушка. – Либо ты мстишь своим врагам и добываешь для меня души, либо продолжай доживать свои мучительные деньки в этой гнилой лачуге.

Монах долго не думал. Лучше он сговорится с демоном, чем умрёт в страданиях. Так, по крайней мере, он будет жить и сможет отомстить своим врагам, пусть даже такой ценой.

– Я согласен. – уверенно ответил он.

– Славно. – лицо девушки приобрело скучающий вид. Она развернулась и пошла по тропинке, уходящей глубоко в чащу леса.

– Ты куда? – озадаченно крикнул ей в след человек. – Что мне делать дальше?

Девушка остановилась и повернулась, на пол оборота, игриво подмигнула и произнесла:

– Иди за мной.

Глава 1

Поход на север

Месяц Каннадзуки 16-го года Тэнмон (октябрь 1547 г). Север Этиго.

Ритмичный стук копыт по разбитой каменной дороге, лязг оружия и доспехов, в такт шагам нескольких тысяч ног, сопровождаемых барабанным боем. Большое многообразие знамён, реющих на прохладном осеннем ветру. Все эти признаки говорили о марширующей армии воинов, отправившихся в очередной поход. Впереди шёл авангард грозных всадников, под знаменем золотого кузнечика на синем поле, возглавляемых небритым суровым воином в чёрных доспехах. За ними, двумя колоннами, двигались копейщики и лучники ашигару. Далее пешие самураи, за которыми, следовали их командиры, в блестящих доспехах и верхом на лошадях. Замыкали шествие, группы с обозом, барабанами и знамёнами, а за ними ещё две колонны ашигару.

Молодой князь, Нагао Кагэтора, ехал в самом центре, окружённый своими вассалами. Лицо его было спокойным, невозмутимым и немного повзрослевшим. Смотрел он только вперёд, не оглядываясь и даже зрачки его глаз оставались на месте. Голова его была не покрыта, ни шлемом, ни повязкой-хатимаки, а длинные волосы развивались на ветру. Он не боялся, ничего и никого. Больше не боялся. Его окружали только воины, не раз сражавшиеся в жестоких битвах, – они могли за себя постоять. А он, Кагэтора, мог постоять за себя. А если найдётся такой нерадивый глупец, что сумеет подобраться к нему со спины, то он наткнётся на двух, отъявленных головорезов-телохранителей. Одним из них, являлся один из лучших мечей Этиго, а второй, обладал огромным ростом и невероятной силой. А те, кто знает их имена, даже не попытаются к ним приблизиться.

Кагэтора шёл в свой последний поход. Не потому, что он надеется погибнуть в нём, а наоборот, покорить последние очаги сопротивления и на конец, посеять долгожданный мир в провинции. За прошедший год в Этиго не произошло не одного существенно-крупного столкновения. Были недовольные мелкие землевладельцы, которые привыкли к беззаконию, что творилось во время правления Харукагэ, но их быстро усмиряли. Порой, даже не приходилось прибегать к насилию. И вот, остались последние северные кокудзин, пытающиеся своими крохотными усилиями обрести независимость от истинных правителей Этиго. Истинными, в данное время, являлись, – небезызвестный сюго Уэсуги Сададзанэ и его верный помощник, и рука правосудия, Нагао Кагэтора.

Но, молодой князь, за это время, не только воевал, а даже, обзавёлся ещё несколькими союзниками. Один из них, сейчас, ехал с ним рядом. Худощавый мужчина, лет сорока, с пышной, седеющей чёлкой, наголо бритым скуластым лицом и длинным подбородком с ямочкой. Когда он начинал говорить, его лицо перекашивало от кривой ухмылки, будто он насмеялся над своим собеседником. Поначалу, это вызвало у Кагэторы некоторые сомнения, что такому человеку не стоит доверять. Но его вассалы подтвердили обратное, будто сей улыбчивый союзник никогда не давал повода в нём усомниться. К тому же, он владел замком Сасаки на побережье Нихонкай, к коему прилегал самый большой порт в Этиго, и откуда, ведётся вся основная торговля с другими провинциями.

– Что ж, посмотрим. – отвечал князь, когда его армию встретил «улыбчивый владелец большого порта», подле своего замка.

Эта встреча произошла днём ранее. Когда Кагэтора решил навестить свою старшую сестру в замке Сасаки, о которой он, толком, и не знал ранее. Госпожа Огэн была дочерью Нагао Тамэкагэ и его наложницы, родом с острова Садо. Тогда, отец Кагэторы, вернулся с этого острова с армией новых союзников из тамошнего клана Хонма, и разбил своих противников

из Уэсуги. Тамэкагэ и Хонма Таканобу заключили союз. Хонма выдал за Нагао свою сестру, от которой и родилась Огэн. После родов, наложница Тамэкагэ умерла и новорожденную девочку воспитывала кормилица. Когда Огэн подросла и достигла совершеннолетия, её отдали в жёны Каджи Харуцуне, тому самому, улыбчивому самураю. Всё это произошло ещё до рождения Кагэторы, поэтому он многого не знал о своих многочисленных родственниках. Пока, наконец, тихим зимним вечером, его советник и стратег Усами, не посвятил молодого князя в историю клана Нагао.

Обстановка в замке Сасаки показалась Кагэторе немного мрачной. Всё, вокруг было каким-то тёмным. Даже одежды местных обывателей не отличались яркостью. Среди слуг царило, некое, забвение, будто, каждый занимался своим делом и им не было дела до происходящего вокруг. Даже, когда даймё, в сопровождении своих телохранителей, въехал во двор замка, на них, словно никто не обратил внимание.

Жена хозяина замка, по совместительству сестра Кагэторы, Огэн, тоже не отличалась общительностью. Женщина, находилась в каком-то уставшем состоянии, говорила очень медленно, будто засыпала на ходу, и без интереса к беседе. Будто к ней не брат приехал, а какой-то заезжий самурай, уставший с пути и остановившийся в замке для ночлега.

Зато сам господин Каджи, не сводил кривой ухмылки со своего лица, иногда шутил, но шутки его показались князю немного жестокими. Когда, Кагэтора говорил, тот внимательно слушал. Вкрадчивый взгляд Харуцуну, из-под опущенной до самых бровей чёлки, пронизывал собеседника своей остротой. Складывалось впечатление, будто хозяин замка, загипнотизировал слуг, своим зловещим взглядом, а сам живёт в своё удовольствие. Но, Кагэтора не чувствовал в нём, той силы, которой обладал сам или его вассал Фуджисукэ. Что-то, несомненно, присутствовало в Харуцуне, но это явно никакая-то там магия.

Тем не менее, несмотря на свои впечатления о Каджи, князь Нагао принял его поддержку и отправился дальше на север. По пути к нему присоединились отряды Накадзэ, Шибаты, Огуни и Ясуды. И наконец, армия Этиго вступила в северные владения.

Дороги, здесь, были разбитыми, случись дождь, и войско будет утопать в грязи. Но, кроме как по дороге, идти было негде. На многие ри, здесь раскинулись поля, к которым примыкали небольшие деревеньки, уступавшие своей территорией тем, что находились на юге провинции, но земли тут были богаче и плодородней. Именно из-за обширных полей, северные кланы держались так долго, в стороне от основного конфликта. На северо-востоке, по самой границе Этиго, возвышались горы. В эту пору, они выглядели, словно палитра неряшливого художника, расплескавшего краски красных, оранжевых, жёлтых и зелёных тонов. Так осень, разукрасила горные склоны, усеянные смешанным лесом; клёнов, берёз, тополей и сосен. Ветер дул прохладный, но не холодный. Солнце светило ярко, но не припекало, что несомненно, радовало простых воинов на изнуряющем марше.

Ближе к сумеркам, армия остановилась на привал, недалеко от реки Аракава. Кагэтора решил не переходить её по темноте, та как единственной переправой служил небольшой мост, а на той стороне уже темнела чаша грабового леса, в котором могли прятаться вражеские войска. Форсировать реку, тоже не представлялось возможности, её воды были слишком глубокими для доспешных воинов. Поэтому, решили подождать до утра. Лагерь разбивать не стали, но оставались на стороже. Северные войска хоть и были малочисленны, но они находились у себя дома и могли напасть в любое неподходящее время. Стоянку определили на открытой местности, в поле, где застать врасплох практически невозможно.

Сам князь, всё же отгородился маку, в самом центре своих войск. Там установили прямоугольный бамбуковый стол, за которым, в скором времени, расселись почти все вассалы. Разве, что Ясуда Нагахидэ остался командовать дозорными. Какидзаки, тот самый, что шёл в авангарде, даже притащил с собой три кувшина сакэ, дабы скоротать вечер. Кагэтора возражать не стал. Разлив по чарке, принялись обсуждать предстоящий день.

– Я больше чем уверен, что Иробэ подготовил для нас засаду! – отпив из чарки, произнёс Шибата Цунасада. – Он хитёр ровно на столько, насколько и храбр, а храбрости, поверьте, ему не занимать!

– Я смотрю, вы им восхищаетесь? – ухмыльнувшись, спросил Каджи, глянув своим взглядом на Шибату. – Или всё-таки боитесь?

– И то, и другое. – Цунасада отвернулся от Харуцуны. Ему, видимо, тоже был не приятен этот человек. – В его армии есть чистокровные айны – сущие дикари и настоящие горные демоны! Они жили тут ещё до войны Гэмпэй и знают эти земли, как свои пять пальцев.

– У нас тоже есть демон! – сказал Китадзэ и кивнул в сторону Ятаро. – Интересно, сколько айнов он сможет разорвать в одиночку?

– Лучше тебе этого не знать Хэби. – негромко рыкну Ятаро. Хэби – то есть «Змей», Коджима называл Такахино из-за стиля фехтования, который тот практиковал.

– Я слышал, – начал Кагэтора. – что Иробэ Кацунага при моём отце пользовался большим уважением среди простых воинов и землевладельцев. Сам я его никогда не видел, но о его боевых навыках наслышан. К тому же, у него весьма скверный характер, судя по его ответам на мои письма.

– Он оскорблял вас господин? – изумился Огуни. – Вы хотите его казнить?

– Чтобы его казнить, его нужно захватить живьём, а мы пока, его не встретили. – ответил за Кагэтору Шибата. – Я говорю, он что-то задумал, обычно, это на него не похоже. Я считаю, что засада, ждёт нас по ту сторону реки.

– В лесу? – спросил Огуни.

– Очень может быть. – Цунасада сложил руки на груди, давая понять, что обсуждения стратегии не его конёк. – Я больше дипломат, чем воин, и говорю лишь то, что знаю о Иробэ.

– А ты, что думаешь, Усами? – обратился Кагэтора к своему стратегу.

Тот, как всегда, молчал до последнего. Поглаживая седеющую, козлиную бородку, он думал, попутно выслушивая все предложения. Когда князь обратился к нему, он пробежал своими маленькими глазками по присутствующим и ответил:

– Насколько я знаю Кацунагу-сана, он не будет делать опрометчивых поступков. Его армия намного меньше нашей, поэтому, он попытается сохранить как можно больше людей для финальной схватки. Он, конечно, груб, дерзок, но далеко не глуп. Я не думаю, что на том берегу нас ожидает засада. Скорее всего, он подготовил её там, где мы не ожидаем. Поэтому, будьте на чеку, когда мы подойдём к его замку. На всякий случай, пошлите вперёд отряд Амакасу, пешим воинам намного легче прочесать лес, чем это делает конный авангард Какидзаки.

Кагэмочи воспрянул духом, когда услышал, что его могут поставить на передовую. Этот, молодой, отчаянный самурай всегда готов показать себя в сражении. Перспектива первого удара для него, тоже самое, что и дождь для засеянных полей, после долгой засухи.

– Хорошо. – согласился Кагэтора. – Заканчивайте с возлияниями и хорошенько отдохните, завтра у нас должны быть свежие головы. Тебя, Кагэиэ, это касается в первую очередь. – князь встал со своего места и ушёл восвояси. Последний взгляд, что он бросил на Какидзаки, заставило последнего непроизвольно поставить только что налитую чарку на стол.

– Что-ж... – Кагэиэ, скрипя сердцем, посмотрел на недопитое в кувшинах сакэ. – Раз господин сказал, значит надо расходиться.

Все согласились и поднялись со своих мест. Кагэмочи вышел из маку очень довольным. За ним последовал Каджи и окликнул молодого воина:

– Амакасу-сан! Если не секрет, – почему вы всю дорогу идёте пешком? Разве у вас нет денег на лошадь?

Кагэмочи этот вопрос не понравился, но он не стал вспыхивать подобно вулкану и ответил, как можно вежливее:

– Зря вы так думаете Харуцуна-сан. Я просто с детства не люблю лошадей, и когда выпадает случай, с удовольствием иду в бой пешим. Когда я ощущаю землю под ногами, то и чувствую себя уверенней.

– Хм. – лицо Каджи, снова искривила ухмылка. – Если в бою вам отрежут ноги, вы землю уже не почувствуете.

– Что вы имеете в виду? – Амакасу насторожился. Ему не понравилось выражение этого нового типа. – Вы хотите меня оскорбить?

– Ничуть. – лицо Харуцуны приобрело такое выражение, будто ему вообще невдомёк, от чего так вспыхнул Кагэмочи. – Я пошутил. Просто мне показалось странным, почему наследник Ясушигэ, да ещё и друг нашего даймё, ходит пешком, как бедный самурай.

– Пошутил? – переспросил Амакасу.

– Конечно! – кивнул Каджи. – Не принимайте близко к сердцу и выпитесь хорошенько, перед завтрашним рейдом. Пусть уберегут вас камни от всяких бородатых и страшных айнов!

– Чего?

– Доброй ночи Кагэмочи-сан! – Харуцуна поклонился, развернулся и скрылся в сумраке. Его доспехи с чёрной шнуровкой, быстро помогли ему пропасть из виду. Кагэмочи проводил его недоумённым взглядом. Ему, Каджи показался не совсем здоровым.

Наутро сделали так, как было условлено. Отряд Амакасу Кагэмочи перешёл реку по мосту и быстро нырнули в лес, что был немного восточнее. По чаще долго не рыскали. Узловатые грабовые деревья вскоре кончились и начались длинноногие сосны, что постепенно устремлялись в гору. Поняв, что в лесу никого нет, Амакасу просигналил основной армии свистящей стрелой.

Войско Этиго преодолело мост за неполный час и полностью перешло на другой берег. Впереди, севернее, их ожидала деревня, довольно большая по сравнению с теми, что им встречались по пути. На встречу с армией вышел местный староста в сопровождении кучки мужчин. Женщин видимо, как это было принято у крестьян, попрятали в горах и лесах. Староста уверял, что у них очень скудные запасы и им нечего дать, ведь всё забрали самураи Хирабаяши, замка Иробэ. Кагэтора, в свою очередь, заверил деревенских жителей, что не причинит им вреда и еду отбирать не будет. Но, на время кампании, запрет их в деревне, чтобы в спину не ударили. Хоть они и крестьяне, а ради своих семей могут и сумятицу внести в тылу армии.

Стеречь деревню, князь приказал Шибате Цунасаде, мол, тот сам обмолвился, что он больше дипломат, чем воин, вот и пусть налаживает дипломатические отношения с местными простолюдинами. И главное – без рукоприкладства, ведь на своей земле как-никак.

Разобравшись с крестьянами, армия двинулась на восток от деревни, в сторону Хирабаяши. Шли недолго, всего пять тё². И то, что предстало перед их взорами, было совсем неожиданно.

Замок Хирабаяши, если его можно было так назвать, стоял на небольшой, искусственно возведённой возвышенности, на слиянии трёх речушек, служивших водяным рвом. Стены сделанные из глины, поднимались над землёй не выше чем на два кэн³, а за ними, виднелись крыши каких-то построек. Армии севера, на стенах и даже под ними, не наблюдалось.

– Что это? – удивился Кагэтора. – Кацунага настолько дерзок, что построил замок на равнине, да ещё и стенами не обзавёлся?

– Ясики в Касугаяме выглядят лучше, чем этот замок! – сплюнул Китадзэ. – Я разочарован!

– В чём? – спросил, находившийся рядом, Ятаро.

² Тё – 110 метров.

³ Кэн – в период Сэнгоку-дзидай – 1,6 метра.

– Я разочарован, что такой великий воин, как Иробэ, живёт в этом сарае! – Такахиро показательно отвернулся от замка. – А я ещё хотел вызвать его на поединок! Деревенщина! Даже руки марать не буду!

– Помолчите Такахиро-сан! – вперёд выехал Накадзэ Фуджисукэ или, как его ещё называли «старик Фуджи». – Во-первых, этот замок построил не клан Иробэ, его возвели во времена войны Намбокутё⁴. А во-вторых, это вовсе не замок, а всего лишь поместье Кацунаги. Замок вон там! – старик указал пальцем на гору, которая возвышалась за поместьем, примерно в половине ри восточнее. – И поверьте, он там не один.

– Не один замок? – переспросил Кагэтора.

– Именно. – подтвердил Накадзэ, оглядывая окрестности. – Тэнсю, стоит на горе Ёгайсан, в центре. Между ней и поместьем, на горе Мономи, стоит ещё один комплекс. И на самом востоке, на горе Минова, – третий.

– А зачем на востоке? – поинтересовался князь. – Там ведь непролазные леса и горы?

– Оттуда, по известным лишь одному Иробэ, тропам, он может попасть во владения клана Датэ и устроить там небольшой беспорядок. – Фуджисукэ посмотрел на Кагэтору и лукаво ухмыльнулся. – Что он с лихвой и делает.

– То есть, разбойничает у наших соседей. – пояснил Усами.

– Таков Иробэ Кацунага. – подытожил старик Фуджи. – Кстати, вот и он сам!

Все посмотрели в сторону резиденции северного воина.

Из ворот вышли трое. В одном из них, в том, что шёл впереди всех, Накадзэ узнал хозяина столь необычного замка. Остальные, видимо, были его доверенные соратники или слуги. Шли они пешком, но в полном вооружении. У одного из сопровождающих, в руке находился лук, другой был с длинным копьём нагаэ. Сам Иробэ тоже выглядел внушительно. Выше среднего роста, крепко сложенный, облачён в домару с белой и преобладающей зелёной шнуровкой. На тулье его шлема, на передней части, красовался золотой герб-камон, – три бамбуковых побега. На поясе висел меч-тачи, а в правой руке, положив на плечо, Кацунага нёс не что иное, как масакари-штурмовой топор на длинной рукояти, которым, в основном, ворота проламывали. Но сейчас, грозный северянин, точно не ворота собирался ломать.

Кагэтора спешился и двинулся к нему на встречу. Сопровождать его взялись те, кто лучше всех знал Иробэ – Усами и Накадзэ. Встретились на нейтральной территории, как раз между армией Этиго и Хирабаяши. Встали друг напротив друга, на расстоянии удара копья – того самого, которое держал один из северян. Молодой князь и Иробэ какое-то время мерили друг друга оценивающими взглядами.

Кацунага, на первый взгляд, был сущий дикарь, не зря ведь с айнами водится. Лицо, заросшее густой чёрной бородой, с небольшой проседью. Глаза дикие, как у кабана перед рывком, но не лишены благоразумия. Это Кагэтора явно видел. Ещё он заметил, как дёрнулась скула на заросшем лице Кацунаги. Северянин, явно, ожидал увидеть совсем другого Кагэтору.

Иробэ первым отвёл взгляд и обратился к сопровождающим князя, словно, не замечая его самого.

– Хитрец Усами Садамицу и Байхисай, будь ты трижды проклят! – грубым, громким голосом поприветствовал северянин.

«Интересно, что за Байхисай?» – подумал про себя Кагэтора, отметив заодно, громкий голос Иробэ, с которым разве, что Ятаро может соревноваться. Но вида не подал, оставаясь невозмутимым и наблюдая за Кацунагой.

⁴ Намбокутё – период в истории Японии с 1336 по 1392 год, характеризующийся борьбой за власть между двумя династиями – с северной резиденцией в Киото и южной с центром в Ёсино, центральными фигурами, которых были, соответственно, Асикага Такаудзи и Император Го-Дайго.

– Зачем приехали? Хотите замок захватить или просто подраться?! – Иробэ нагло оскандился. – Я так просто не дамся!

– Можно обойтись и без этого. – произнёс Усами. – Ты можешь просто признать Нагао Кагэтору своим господином и положить конец раздробленности в Этиго.

– Так Нагао или Уэсуги? – переспросил Кацунага. – Я слышал, что Сададзанэ у власти?

– Кагэтора-сама, представляет здесь нашего почтенного сюго! – ответил Садамицу.

– Как в старые добрые времена! – расхохотался Иробэ. – Помнится, лет сорок назад, Байхисай пришёл к моему отцу с точно таким же предложением!

– Сейчас другие времена. – покачал головой Усами. – Никто не хочет никого притеснять, в провинцию возвращаются старые порядки. Сдайся и дело с концом! Если ты это сделаешь, за тобой последуют остальные северные кланы; Огава, Аюкава, Хондзё.

– Так кому я должен, всё-таки, поклониться? – Кацунага наклонился вперёд, словно, хотел лучше разглядеть своих противников. – Старому и дряхлому Сададзанэ, который скоро уйдёт в круг перерождений, не оставив за собой наследников. Или ему... – Иробэ кивнул в сторону Кагэторы и осёкся. Молодой даймё, будто не обращал внимания на говоривших воинов, разглядывая, что-то за спинами северян. – Эй! Кагэтора-сан! Ты куда это смотришь? – прорычал Кацунага.

– Интересное у тебя строение во владении. – с интересом произнёс Кагэтора. – С виду, обычное поместье, без явной защиты. И эта речушка, выполняющая роль рва, совсем мелкая, будто недавно высохла. Берега у неё ещё влажные. Неужели на севере была засуха?

– Ты о чём? – недоумённо спросил Иробэ.

Кагэтора посмотрел на северянина. Их взгляды встретились.

– Хочешь, я расскажу тебе, как ты поступишь? – князь сдвинул брови, лицо его стало воинственным, но не потеряло самообладания. Кацунага кивнул. Ему стало невообразимо интересно, что скажет этот малец. Кагэтора продолжил. – Ты откажешься от наших условий, вернёшься в Хирабаяши и станешь ждать нашего нападения. Мы, по твоему мнению, недооценим оборону этого поместья и пойдём на штурм. Дальше, твои воины сломают плотину в горах, из которой хлынет поток той реки, что недавно здесь была и мои передовые войска смоят в Аракаву. Может кто-то и утонет, под тяжестью своих доспехов, но большие силы, всё равно останутся. Тогда, воспользовавшись нашим замешательством, несколько сотен луков, засыпят нас дождём стрел. Пока мы будем приходить в себя, ты и твои воины, уйдёте в свои горные замки, откуда, вас выбить очень сложно...

– Невозможно! – поправил Иробэ Кагэтору. Было видно, что молодой князь произвёл на грозного северянина огромное впечатление.

– Любой замок, рано или поздно, падёт. Каким бы неприступным он не был. – сказал князь Нагао. – Это лишь вопрос времени.

– С чего ты взял, что я так и поступлю? – спросил Кацунага. Он даже немного занервничал после слов молодого даймё.

– Иначе, зачем ты осушил реку? – Кагэтора кивнул в сторону Хирабаяши. – Твоё поместье мы возьмём в любом случае, а в чистом поле, сражаться с нами полное безумие.

– Допустим. – задумчиво произнёс Иробэ. – И, что ты намерен делать Кагэтора-сан?

– Я поступлю по-своему. Твоей ловушке, не суждено сработать, как и всему твоему плану.

– Тогда... – Кацунага крепче сжал рукоять масакари и убрал его с плеча. Внезапно, он увидел перед глазами яркую вспышку, после которой последовал звук, – щелчок хабаки⁵ об

⁵ Хабаки – муфта, крепящаяся на хвостовике под гардой и гарантирующая надёжную фиксацию меча в ножнах и одновременно фиксирующая гарду.

ножны. В следующее мгновение, топор северянина отделился от рукояти и тяжело упал ему под ноги, воткнувшись в землю. Иробэ безучастно посмотрел на своё бывшее оружие.

Воины, из армии Этиго, насторожились, а сопровождающие Кацунагу, приняли обороняющую стойку.

Кагэтора только и убрал руку от рукояти своего меча, который мирно покоился в ножнах.

– Это было быстро! – прокомментировал Иробэ, молниеносный удар молодого князя. Ему определённно, начинал нравиться этот отпрыск Тамэкагэ.

– Подумай Кацунага-сан. Если мы с тобой не объединимся. Если мы все, не станем единым целым, – каждого из нас срубят так же, как я сейчас срубил твой масакари. Встань с нами под одно знамя, и вместе мы сможем объединить и защитить Этиго. – Кагэтора снова посмотрел в глаза северянину. Взгляд Иробэ уже не был диким. Враждебность сменилась размышлением.

Кацунага небрежно откинул рукоять своего испорченного топора, оглядел пришедшую на покорение севера армию. Стукнул со всей силы, себя в грудь кулаком и сказал:

– Я, Иробэ Тотоми-но-ками Кацунага, владетель Хирабаяши, клянусь, что буду служить вам до последнего вздоха и не придам под страхом смерти! – такая внезапная перемена позиции и громогласный тон, удивил обе стороны. Некоторые, даже подумали, что Иробэ хитрит, ан нет. Когда, гордый и буйный северянин, склонил колени перед молодым князем, все сомнения развеялись. Кацунага, которого все знали, никогда бы не склонился перед тем, кому не собирался служить.

После непродолжительных переговоров обе стороны разошлись.

– Я впечатлён вами Кагэтора-сама! – восхищённо проговорил Усами. – Даже ваш отец не мог повлиять на Иробэ так быстро! Вы не просто переманили его на свою сторону, вы тронули сердце сурового северного воина!

– Будет тебе Усами. – отмахнулся Нагао. – Я просто делал то, что считал нужным. И кстати, – князь обратился к Накадзэ. – почему Кацунага назвал тебя Байхисай, к тому же, трижды проклял? Разве вы не друзья?

– Отчасти. – ответил Фуджисукэ не глядя на даймё. – Мы больше союзники, чем друзья. Как можно называть другом того, кто практически загнал в могилу его отца.

– Ты убил отца Иробэ? – удивился Кагэтора.

– Не совсем. – старик Фуджи повернулся к князю. – Я захватил Хирабаяши в одиночку, так как войск у меня было недостаточно, ни для штурма, ни для осады. Поэтому, я один пробрался на гору Ёгайсан, захватил в плен Иробэ Норинагу, отца Кацунаги, и притащил его в свой лагерь. Старик брыкался, поэтому, мне пришлось его немного ранить. Кацунаге было тогда лет пятнадцать или около того, поэтому он безоговорочно сдал замок.

– А его отец после этого умер? – спросил Кагэтора.

– Да. – кивнул старик Фуджи. – Через несколько лет. Он был стар и рана, нанесённая мной, загноилась. Но Кацунага человек суровый, он понимал, что идёт война за раздел провинции, и винить меня не стал, хотя и не забыл. За это я его уважаю.

– А что, всё-таки с Байхисаем? – напомнил молодой князь.

– И любопытный же вы! – Накадзэ улыбнулся. – Байхисай – так меня называли, когда я ушёл в горы на несколько лет, дабы познать, кто я есть и зачем живу. Там я облюбовал одно местечко с растущей на склоне гор дикой сливой. Я дал ей обет...

– Сливе? – Кагэтора насмешливо улыбнулся.

– Да. Я обещал ей, что не уйду отсюда, пока не прозрею.

– И ты несколько лет жил наедине лишь со сливой? – поразился князь. – Ну и выдержка!

– Именно поэтому, я победил вас тогда, когда мы впервые встретились.

– Ты прозрел?

– Именно. Байхисай -значит обет трепещущей дикой сливе. – Фуджисукэ лукаво улыбнулся. – И именно поэтому я так хорошо выгляжу в свои шестьдесят восемь! – все трое расхохотались.

Через несколько часов армия двинулась дальше на север. Только теперь их стало немного больше, ведь среди столь большого многообразия знамён, появилось ещё одно, три бамбуковых побега на белом поле, – знамя Иробэ Кацунага.

До замка Хондзё добрались поздней ночью того же дня. Здесь их не встречали так враждебно, как это было в Хирабаяши, и даже вышли поприветствовать. Не в доспехах и при оружии, а вполне себе, в мирной одежде. Кагэтора сразу заметил необычный вид одного из встречающих. Необычно в нём было всё, от причёски до одеяния. Волосы не были убраны в хвост, и даже не были распущены. На висках, вместо хвоста, красовались узлы, чем-то напоминающие узел оби. Одежда тоже была странной. Длиннополая рубаша до колен, отдалённо напоминающая косодэ, штаны широкие, но уже хакама и подвязанные лентой под коленями, ботинки меховые, а на шее висело ожерелье магатама из драгоценных камней. Весь его облик напоминал о древних воинах Иператрицы Дзингу. Кагэтора сразу понял, кто был этот странный любитель древности. Ещё в детстве он видел его в компании своего старшего брата Кагэфусы, который погиб сразу после отца. Это был Аюкава Киёнага, непревзойдённый мастер нагината, отличный наездник и историк.

Рядом с ним стоял нынешний владелец замка, Огава Нагасукэ, родной брат покойного Хондзё Фусанаги, истинного хозяина этих земель.

Кагэтора недобро относился к Огаве, ведь тот, фактически погубил своего брата, захватив его замок, пока тот был в походе. А когда Хондзё хотел вернуться, чтобы забрать своё, ему устроили засаду, в которой он и погиб. Поговаривали, что это сделал сам Огава.

Местные хозяева сразу пригласили князя на пир в его честь, конечно вместе со всеми полководцами. Кагэтора сначала заподозрил неладное, но потом оказалось, что это Иробэ упредил своих союзников, что война подошла к концу и они должны поклониться новому даймё. Огава и Аюкава так и поступили, да ещё и успели собрать угощение для прибывших.

Князь Нагао и его вассалы приняли приглашение и проследовали в замок, на самую вершину. Гора, на которой высилось укрепление, была очень высокой, даже выше Касугаямы, хотя и строений намного меньше. Но это никак не влияло на неприступность замка. Штурмовать его было бы намного сложнее, чем осаждать. Вокруг горы раскинулась лишь равнина, на коей стоял небольшой городок, да немного холмов. Дорога, точнее их было несколько, ведущая к тэнсю, представляла собой некое подобие лабиринта. То и дело встречались крутые повороты, ворота и ягура. Кагэтора прикинул, что он бы не смог взять замок Хондзё и до весны. Если только нахрапом, положив при этом кучу народа. Но не таков был князь. И ему очень повезло, что Иробэ не стал сопротивляться и пошёл с ним.

Через некоторое время, гости уже пировали. Особенно Какидзаки, который всё не мог дождаться, когда его горло промочит очередная чарка сакэ. В этом походе ему так и не удалось поучаствовать в сражении. Этот неугомонный самурай был из тех, кто очень любил выпить и побуянить, но на поле боя, как и выпивке, ему не было равных. Остальные тоже веселились на славу. Ещё бы, ведь поход закончен. Замок Хондзё был последним очагом сопротивления. Когда армия вернётся домой, провинция будет объединена.

Кагэтора тоже пил. Немного. Ему, почему-то стало грустно. Чем он теперь будет заниматься? Он так стремился к долгожданному миру, так хотел закончить эту войну, что даже не подумал – а что потом? Молодой князь тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли и огляделся вокруг.

Дом, где проходило веселье, был настолько прост, что его можно было сравнить с домом разбогатевшего торговца. Вся обстановка довольно проста и ничего не выдавало здесь присутствие самурая, да ещё и хозяина замка.

Кагэтору усадили во главе. Нынешний хозяин, почти всегда, находился подле него и подливал князю горячительный напиток. Но среди всего этого бедлама, Нагао разглядел двоих, ничем не примечательных людей. Первая, была женщина, среднего возраста, со скучающим лицом. Возле неё сидел мальчик, лет восьми-девяти. Его то, Кагэтора и начал разглядывать. Мальчуган, явно не одобрял происходящее здесь, сидел насупившись, глядел на всех исподлобья. Серьезный, даже немного злой. В какой-то момент, взгляды мальчика и даймё встретились и Кагэтора почувствовал, как его душа пылает огнём ненависти ко всем вокруг. Женщина, видимо мать, пыталась его отдёргнуть и увести, но тот, нервно вырывался, и оставался сидеть, сжигая, пирующих своим взглядом.

Кагэтора подозвал сидящего неподалёку Аюкаву и спросил:

– Кто эти люди? – указал он на женщину с мальчиком.

– Это жена покойного хозяина замка. – ответил Киёнага. – А мальчик, рядом с ней, её сын и наследник Ходзё Фусанаги, имя ему Иномару. Мне он приходится двоюродным племянником.

– Странно. Почему Огава оставил при себе семью Хондзё? – поинтересовался Кагэтора.

– Они его родня. – пожал плечами историк. – Жену Фусанаги он взял в наложницы, а этого сорванца, пытается воспитать, как своего.

– Это же подло. – Кагэтора сдвинул брови. – Как можно, погубить собственного брата, забрать его жену и ещё заставить его сына наблюдать за всем этим?!

– Таково наше время! – философски заметил Аюкава. – Вы же тоже погубили своего брата?

– Мы оба знаем, почему я это сделал. – твёрдо ответил князь. – Ты бы поступил так же.

– О-о! – Киёнага сжал кулаки. – Я всей душой был там, с вами, и хотел отомстить за Кагэфусу!

– Так почему не пришёл? – Кагэтора глянул на собеседника.

– Иробэ мне не дал. Сказал, если я уйду, он уничтожит мой клан за предательство. – Аюкава кивнул в сторону маленького наследника Хондзё. – Да и приглядываю я за ним. Хоть он и сорванец и у него скверный характер, но он мой племянник. Кто знает, что взбрёт в голову Огаве.

– Присматривай за ним. – велел Кагэтора.

– За мальчиком? – уточнил Киёнага.

– И за Огавой тоже. – добавил князь. – Я хочу, чтобы клан Хондзё продолжил своё существование. Когда Иномару повзрослеет, проследи, чтобы замок и все его владения, достались ему, а не Огаве. То, что сделали с его отцом не справедливо. Пусть даже это и была война. Ты понял?

– Хай, Кагэтора-сама! – Аюкава поклонился. – Я не подведу вас! В память о вашем брате Кагэфусе!

– Я полагаюсь на тебя.

Проведя в замке Хондзё два дня, армия Этиго отправилась в обратный путь. Скоро они все окажутся в своих домах и займутся мирными делами. Иробэ Кацунагу, Кагэтора назначил приглядывать за северными кокудзин, впрочем, как и раньше. Только теперь, все они были едины, а в Этиго наступил долгожданный мир.

Глава 2

Сёгацу

Зима 16-го – 17-го годов Тэнмон (1547-1548 г.г). Этиго, Касугаяма.

Первый снег в Этиго, в этом году, выпал очень поздно, в самом конце месяца сивасу. Но большого снегопада, в последующие дни, так и не последовало. Наверное, небо оставило его на следующий, новый год. Во всяком случае, люди не будут мучиться с непролазными сугробами на время праздничных дней. Все готовились к главному событию года – празднику Сёгацу. Война закончилась, и в провинции настал долгожданный мир. Так, что вместе с торжеством, местные жители, будут отмечать и долгожданное спокойствие на их земле.

Молодой князь, как и всегда, находился в полном уединении с собой. Его верный вассал Наоэ Кагэцуна, построил для него, некое подобие, чайного домика, на том самом «холме двух сакур», где малолетний Кагэтора любил проводить время. Чая он здесь не готовил, а больше уединялся для медитации или глубоких размышлений. С окончанием войны, Кагэтора затосковал. У него больше не было изнуряющих, частых военных советов, многодневных походных условий, смотра войск и тренировок. Он даже, по началу, не хотел ощущать на себе ту лёгкость повседневной, мирной одежды, привыкший к тяжести доспехов. Никто больше не приносил донесений, и даже не с кем было потренироваться, как он это проделывал со своим другом Кагэмочи. Первые дни, ему составлял компанию Китадзё, но и он вскоре уехал к себе в замок для подготовки к празднику.

Князь сидел один, в своём домике на холме, наигрывая грустную мелодию на биве. Музыка, в какой-то мере, помогала ему медитировать, очищала сознание и погружала в бесконечную пустоту. Там, в этой пустоте, не было ни каких мыслей, переживаний и забот. Сосредоточившись на звуке, он будто парил в патоках неизвестности, оставив суетный мир далеко позади. Это хорошо помогало ему заменять то состояние, в котором он находился во время боя или в его преддверии.

Закончив играть, Кагэтора вернулся назад, в своё тело. Он аккуратно отложил в сторону биву с плектром и вдохнул свежий, зимний, холодный воздух. Солнце уже зашло за горизонт. Да и не видно его было из-за занесённого тучами неба. Наверное, ночью снова пойдёт снег.

– Сын мой, ты как всегда намереваешься простудиться?! – послышался знакомый женский голос. И только потом, из-за холма, на тропинке показалась его обладательница. Кагэтора позволил себе немного улыбнуться.

– Столько лет минуло, а так ничего и не изменилось. – с лёгким смешком произнёс он. – Вы по-прежнему ловите меня на этом холме и говорите одну и ту же фразу. Но на это раз, я сижу не на голой земле, а на циновке, которая постелена на полу, между-прочем.

– Зато ты сидишь в одном косодэ и даже не удосужился накинуть, что-нибудь сверху! – с лёгким, добрым укором произнесла мать. Госпожа Тора, а ныне, монахиня Сэйган-ин, подошла ближе к сыну, тот низко поклонился, и она села рядом с ним. Приняв постриг, она осталась всё той же прекрасной женщиной, какой была ранее. Её не портили даже монашеское одеяние и капюшон. Всё та же грациозная походка, кошачий взгляд и невообразимое спокойствие, что даже Кагэтора, со своей невозмутимостью, мог позавидовать.

– Я уже не мальчик матушка, и могу позволить себе...

– Ах вот ты как заговорил! – перебила сына Сэйган. – Значит, став даймё, покорив всю провинцию и забрав не мало вражеских жизней, ты уже не мой мальчик? Будь ты хоть Император, моим сыном ты останешься навеки и я до конца своей брэнной жизни, имею права тебя оберегать. – женщина развернула, принесённый ею свёрток и извлекла оттуда белый хаори с

рукавами до локтей, меховым подкладом, родовым гербом Нагао на спине, и вручила князю. – Вот, надевай.

Кагэтора не стал упираться, хотя считал, что подобные материнские заботы о нём, в его возрасте, были излишни. Он надел хаори и снова задумался.

– Тебя что-то тревожит сын мой? – ласково спросила Сэйган.

– Честно говоря, я и сам не знаю. – грустно отозвался князь, потупив взор. – Мне кажется, что с наступлением мира, мне просто нечем заняться. Всё это время, я только и делал, что воевал, а теперь, мне стало как-то тоскливо. Иногда я думаю, что я стал слишком воинственен и кровожаден. На мне больше нет успехов, и меч я беру лишь раз в день, а в седле я не был уж несколько дней. Я так долго к этому шёл, что мне даже было невдомёк, что станет со мной после этих сражений.

– Ты просто ещё очень молод сын мой. – произнесла женщина. – За свою недолгую жизнь, ты только и делал, что тренировался да сражался. Но ты так и не успел пожить в мирное время. Таков твой удел воина и самурая. Это пройдёт, и ты привыкнешь. Став даймё, ты возложил на себя великую ответственность. Ты обязан не только вести войска в бой, но также ты в ответе за свою землю и людей, на ней живущих. Ведь Этиго населяют не только воины. Здесь очень много обычных людей. Научись налаживать с ними контакт. Ты ведь это делал, когда впервые пришёл в Точио, забыл?

– Тогда, я ещё не знал, что такое боевой пыл. – ответил Кагэтора. – Вы правы матушка. Я немного забыл, что значит быть хозяином в мирном доме. Что вы мне посоветуете?

– Ты видимо сильно заскучал, раз просишь у меня совета! – немного удивилась Сэйган. – Когда, после долгих лет, я впервые увидела тебя в Касугаяме, тебе не нужны были ничьи советы. Я узрела великого Нагао Кагэтору, который, без боя захватил Касугаяму, руководил своими вассалами, как настоящий полководец. Тогда, ты не нуждался в советах. Возьми себя в руки и прими участие в делах своих людей. Разлука с дочерью Усами совсем, гляжу, тебя разбила. Я думаю, ты только поэтому, хочешь взять в руки клинок и ринуться в гущу сражений.

Кагэтора поднял взгляд на мать. Упоминание о Нами, вызвало в нём замешательство. И возможно, Сэйган была права. Покончив с войной, в которой молодой князь отвлекался от своих чувств к своей бывшей возлюбленной, теперь же на него снова нахлынули воспоминания, о проведённых днях с ней и о тяжёлом расставании.

– Вы, как всегда, правы матушка. – поклонился Кагэтора. – Я слишком размяк из-за этого. Мне нужно забыть о ней раз и навсегда.

– Вот именно. – согласилась Сэйган. – Обет, что ты дал, священен! Взяв на себя подобные вещи, нужно идти дальше. Твой путь на этом не заканчивается.

Кагэтора, ещё раз почтительно поклонился и решил перевести тему разговора.

– Матушка, ты присоединишься к нам на праздник Сёгацу?

К торжеству всё было готово. В главной зале замка Касугаяма, собралось много гостей. Хоть праздник и был, для каждой семьи личным, Кагэтора считал своей семьёй всех тех, кто разделил с ним это тяжкое бремя войны. Конечно, многих не хватало, но и присутствующих было достаточно.

Во всех комнатах замка, были развешаны ивовые и бамбуковые ветки, украшенные деревянными и бумажными фигурками обезьяны – символом наступающего года. Над помостом, где сидел даймё, висели хамаими- стрелы с белым оперением, приносящие в жилища воинскую удачу. Присутствующие одели на себя самые красивые косодэ и хитатарэ, что имелись у них. Китадзё Такахиро, который и без того любил броско одеваться, был во всём ярком, что аж глаза слепило. Ровно в полночь, все высыпали во двор замка. Касугаяму огласили удары храмовых

колоколов. Наоэ, Амакасу и ещё несколько вассалов взяли в руки кумадэ, некое подобие граблей, похожих на медвежью лапу и при каждом ударе колокола гребли ими воздух, загребая в дом счастье под всеобщий смех. Когда колокол пробил сто восемь раз, все поздравили друг друга с Новым Годом Обезьяны и отправились праздновать внутри замка.

Угощения были самые разнообразные. Какидзаки и Санпонджи, любившие выпить и повеселиться, принялись за сакэ, заедая их эби-креветками с соевым соусом. Коджима Ятаро, любивший не только подражаться, но и хорошо поесть, уплетал моти-лепешки из клейкого риса, камабоко – пирог из рыбы с белым мясом, приготовленный на пару. Потом здоровяк перешёл на суп дзони, всё с теми же моти, но только в бульоне. Покончив с супом, Ятаро стал искать новое лакомство, чтобы закинуть его в своё бездонное чрево. Сакэ он не пил, боялся, что может потерять контроль над своей яростью и покалечить кого ненароком, а то и того хуже. Наоэ налегал на более полезную еду – пюре из каштана и варёные водоросли-комбу. Этой ночью столы просто ломились от еды.

Кагэтора сидел на помосте, во главе праздника, наблюдая за веселящимися вассалами, и тихо попивал сакэ. Рядом с ним, сидела госпожа Сэйган-ин. Она, в отличие от всех присутствующих, воздерживалась от угощений. Сестры Кагэторы Айи, с её мужем Масакагэ, не было на празднике. Всё потому, что Айя была беременна и шумные, беспокойные праздники ей не к чему. Кагэтора отправил сестре письмо с поздравлениями и подарками, как, впрочем, и многим, кому не довелось попасть на торжество в Касугаяму. В числе этих немногих числились; сюго Уэсуги, который, в последнее время сильно захворал, старик Накадзэ, не любивший праздники вообще и Шибата Цунасада, вечно занятый в своих владениях. Остальные же были здесь, включая Иробэ и Каджи. Последний, даже взял с собой жену, вторую сестру князя – Огэн. Когда Кагэтора, во время своего похода на север, заезжал в замок Сасаки, Огэн показалась ему довольно скучной и мрачной особой, как и вся тамошняя обстановка, но здесь женщина преобразилась. Она весело хохотала с другими жёнами самураев и даже, кое-где, могла пошутить. Не так, как её муж, а вполне приемлемо.

Веселье, тем временем, разгоралось всё сильнее. Как и ожидалось, Какидзаки и Санпонджи, поднабравшись, решили поспорить, сможет ли пьяный Кагэиэ станцевать с копьём, удержав на наконечнике полную чарку сакэ. Спор решили закрепить делом. Какидзаки приказал принести ему яри и, шатаясь, вышел во двор. Любопытствующих оказалась, целая тьма. Даже сам даймё решил выйти и посмотреть на это зрелище.

Когда слуга принёс требуемое, Кагэиэ схватил в правую руку копьё, ровно посередине древка, а в левую взял веер-тэссэн, на наконечник установили, налитую до краёв чарку. Наконечник яри был довольно длинный и широкий, так, что для умелого воина, задача была бы не трудной. Но Какидзаки был пьян, да ещё и танцевать собирался. И тут началось.

Кагэиэ раскрыл тэссэн и медленно, изящно, будто выполнял ката, начал двигаться, постепенно ускоряя темп. Потом, он заорал. На самом деле, храбрый воин пытался петь, но со стороны, это выглядело как крик, или даже вой пьяного волка. «Пел» Какидзаки про свои подвиги, свершённые на службе у Тамэкагэ и Кагэторы. Его копьё, кружилось из стороны в сторону и выписывало петли, но сакэ так и не проливалось. Санпонджи даже побагровел от обиды. Кагэиэ, явно назначил хорошую цену за проигрыш. Закончил Какидзаки под бурный шквал аплодисментов и похвал. Самурай похвально поклонился, подкинул на наконечнике чарку и поймав её своим лицом. Что-то в рот ему, конечно, попало, но остальное растеклось по жёсткой бороде. Теперь, наблюдателям, пришлось надрывать животы от хохота, а Саданага объявил, что спор проигран.

– Ты мошенник! – закричал Кагэиэ. – Я станцевал, не пролив не единой капли, то, что было потом, не считается!

– Ты меня не обманешь! – отпирался Санпонджи, стоя на пороге энгавы и грозя кулаком. – Нужно было завершить всё до конца! Я не отдам тебе коня, даже не жди!

Чтобы не дошло до драки, в спор вмешалась госпожа Сэйган-ин. Хоть победа Какидзаки и была на лицо, она решила не оставлять Саданагу в обиде.

– Саданага-сама, – обратилась она к самураю. – раз ты считаешь, что Кагэиэ-сама, выполнил уговор не до конца, то отдай ему коня не полностью.

– Это как? – Санпонджи недоумённо посмотрел на монахиню. – Разрубить его что ли?!

– Зачем же так жестоко? Ведь вы человек благоразумный и храбрый и, несомненно, поступите достойно! – похвалила она Саданагу. Тот, в свою очередь, гордо выпячил грудь и задрал подбородок. Сэйган продолжила. – Отдайте одного лишь коня, а снаряжение оставьте себе.

– Мы о снаряжении не договаривались! – удивился Санпонджи.

– Господин Кагэиэ прекрасный наездник, зачем ему конь без снаряжения. – убеждала самурая монахиня. – Жеребец ведь боевой?

– Боевой. – согласился Саданага.

– Тогда, что за приз такой – голый конь, без седла, стремян и поводья? Наверняка, у него и броня имеется?

– Есть немного. – кивнул самурай. Женщина, явно, загрузила его излишними раздумьями, потому как, взгляд Санпонджи, был совершенно отсутствующим. – Хорошо! – он хлопнул себя по колену. – Пусть забирает коня! Но снаряжение, я оставлю себе.

– Вот и славно! – подытожил Наоэ. – Давайте дальше веселиться! Нечего нам, в начале нового года, сориться попусту!

Когда все расселись по своим местам, Наоэ заголосил песню о похождениях любвеобильных мужчин к знатым дамам. Голос у Кагэцунэ был весьма хорош и звучен, но песни излишне вульгарны. Лица большинства, присутствующих женщин, залились пунцовой краской, тогда, как мужчины, дружно поддержали. В конце концов, Наоэ утомился.

– Господин Усами! – вдруг, обратилась Огэн к главному советнику. – Я слышала, вы умеете читать по звёздам и предсказывать будущее?

– Слухи преувеличены. – скромно ответил Садамицу, доселе, спокойно и молча, наблюдавший за веселящимися. – Это не более, чем развлечение.

– Не будете ли вы так любезны, развлекь нас, данным способом? – вежливо попросила Огэн. – А ни то, наши животы скоро лопнут от смеха! Выходки наших достопочтенных мужей, уж очень уморительны! – женщина весело улыбнулась, прикрывшись веером.

– И правда, Садамицу-сан! – поддержала Сэйган. – Как в старые добрые времена! Помните, в столь редкие тогда, праздники, когда все собирались в замке, ты развлекал нас своими гаданиями!

– Предсказания судьбы, не всегда счастливые и зачастую, неточны. – предостерёг Усами. – Но, я знал, что вы, госпожа Сэйган, попросите меня об этом, и подготовился.

– Усами всегда всё видит наперёд! – хохотнул Иробэ, который присоединился к компании «Какидзаки – Санпонджи».

– Поскольку, этой ночью, звёзд на небе не видно, – Садамицу выдвинул из-за своей спины, какую-то светлую, блестящую коробку, покрытую прозрачным лаком и замысловатыми рисунками, напоминающие триграммы. – мы прибегнем к омикудзи.

Усами бережно открыл крышку и начал, поочерёдно, извлекать из коробки, уложенные в стопки, деревянные таблички, с какими-то письменами и рисунками. Он разложил таблички по полу в определённой последовательности, лицевой стороной вниз, той, где были рисунки с кандзи⁶. Обратная сторона была везде одинаковая, с изображением тайного знака «Книги Перемен».⁷

⁶ Кандзи – «ханьские буквы», китайские иероглифы, используемые в японской письменности.

⁷ Книга перемен – древний китайский философский текст, состоящий из 64 гексаграмм и предназначавшийся для гадания.

– У каждого из вас есть три попытки! – громко произнёс Усами, закончив раскладывать таблички. – Выбирайте приглянувшуюся вам омикудзи и я расскажу вам вашу судьбу! – Садамицу хитро ухмыльнулся, бегло оглядев всех в зале. – Пожалуй, вы первая Огэн-доно!

– О! Это великая честь! – весело хохотнула женщина и сразу же выбрала табличку.

Усами взял указанную омикудзи и перевернул лицом вверх:

– Хорошее начало. – произнёс Садамицу. – Вы выбрали кандзи «счастье»! У вас ещё две попытки. – Огэн последовательно указала на ещё две таблички и Усами их перевернул. – «Подарок» и «возвращение»! – озвучил он.

– Что это может означать? – как бы, сама у себя спросила Огэн. – Мне подарят подарок, который вернёт мне счастье?

– Возможно. – кивнул Усами.

– Значит, это может быть только один подарок, – время повернётся вспять, что бы я начала новую жизнь. – с тревогой и дрожью в голосе, произнесла женщина.

– Что вы имеете в виду? – озабоченно спросила Сэйган.

– Битва при Сэнданно изменила моего мужа до неузнаваемости! – глаза Огэн увлажнились. – Все в замке боятся его, и даже я, порой...

– Молчи женщина! – прикрикнул Харуцуна на супругу. На этот раз, на его лице не было кривой ухмылки, но, это мгновенно изменилось. – Ты и так позволяешь сегодня слишком многое! – он обратился к Садамицу. – Продолжайте Усами-сан, не слушайте глупую женщину.

Все недоумённо посмотрели на Каджи, Кагэторе же, стало любопытно, что случилось с ним при Сэнданно. Но он решил узнать об этом после, поскольку, Харуцуна не очень-то хотел об этом распространяться. Князь, жестом, приказал Усами продолжать.

Следующий на очереди был Китадзё. Выбор фехтовальщика оказался неоднозначным. Первые две омикудзи оказались «страхом» и «кораблём», зато последняя – «рождение». Самураи весело заулюлюкали.

– Неужели Такахиро боится рождения ребёнка? – тут же подхватил Наоэ. – Каков, оказывается, наш храбрый мастер меча! – за эти слова, Китадзё наградил Кагэцуну ядовитым взглядом.

– Этого не может быть! – начал оправдываться фехтовальщик. – Я ничего не боюсь, да и жена моя совсем не тяжела!

– А кто сказал, что это твоя жена? – не унимался Наоэ. – Там есть «корабль», что может означать дальнюю дорогу, так ведь Усами? – Садамицу кивнул лукаво улыбаясь. – Придет к тебе наследничек из далёких земель, то-то жёнушка обрадуется!

– Заткнись Кагэцуна! – оскалился Такахиро. Его рука, по привычки, потянулась за рукоятью меча, коего за оби не оказалось, – все на празднике были без оружия.

Кагэтора не стал долго слушать перепалку вассалов и утихомирил их, предлагая Усами продолжать.

Всех увлекло гадание Садамицу и желающих, узнать судьбу, было великое множество, но не каждому, услышанное, было по нраву. Амакасу Кагэмочи выпали таблички с кандзи «поражение» и «учение». Молодой самурай очень расстроился, но Усами успокоил его, напомнив, что это всего лишь праздничная игра. Судьба Ятаро, оказалась схожей с Китадзё, только вместо «рождения» выпало – «демон».

– Яснее некуда! – подытожил Усами. – Все боятся Демона Ятаро!

На эти слова гигант только гордо рассмеялся.

Когда все узнали, что их ждёт в ближайшем будущем, Садамицу начал было собирать таблички, но его остановили.

– Подожди Усами! – произнёс Кагэтора. – Ты забыл про меня!

– Господин. – Садамицу тревожно посмотрел на князя, поглаживая свою бородку. Это не укрылось от молодого Нагао. – Вы религиозный человек, неужели вам нужны эти глупости?

– Ты же сказал, что это развлечение? Я тоже хочу развлечься. – даймё, испытующе глянул на своего советника и, не глядя, указал на три омикудзи. – Рассказывай.

Усами, нехотя, начал переворачивать таблички.

– Это снова «корабль» – это значит путешествие. – начал пояснять Садамицу. – Далее, «прошлое».

– Я в будущем попаду в прошлое? – усмехнулся Кагэтора.

– Не обязательно. – покачал головой Усами. – Это может означать, что вы вскоре встретите кого-то или что-то из вашего прошлого. – Садамицу хотел перевернуть третью табличку, но внезапно, положил её назад.

– Я утомился господин. – Усами наигранно состроил усталую мину. – Слишком много людей сегодня, хотели узнать свою судьбу. Я ведь не молод уже.

– Перестань. – беззаботно махнул рукой Кагэтора. – Ты ещё живее всех живых в свои то годы! Что там на третьей табличке?

Усами, с великой неохотой перевернул последнюю омикудзи.

– Это «мир духов» господин.

– Интересно. – задумчиво произнёс князь. – Как ты это истолкуешь?

– Очень редкий знак и очень опасный. – пояснил Садамицу. – Может означать, как смерть, так и просветление, а то и того хуже.

– Что значит хуже? – заинтересовался веселящийся Наоэ. Он не замечал напряжения, повисшее между Усами и князем. Кагэтора понимал, что его советник специально хотел убедить его от этого гадания, а значит, омикудзи- это не просто игра.

– Это может быть связано с нечистой силой. – мрачно проговорил Садамицу.

– Пустяки! – небрежно отмахнулся Кагэцуна. – Кагэтору-сама оберегает Бисямон-тэн и никакая нечисть ему не страшна!

– Я полагаю, на сегодня хватит гаданий. – произнесла Сэйган. – Как и сказал господин Садамицу – это не всегда весело. Давайте продолжим праздник. Наоэ-сан, у вас хороший голос, может, споёте нам ещё что-нибудь? Только, по приличней, пожалуйста!

– С превеликим удовольствием! – обрадовался Кагэцуна и, покачиваясь, встал с места. – Я ещё и танцевать могу!

Утром Кагэтора поднялся раньше всех. Умывшись и облачившись в чистую одежду, он вышел во двор замка и один, без сопровождения, направился вниз, по склону Касугаямы. Обойдя постройки всех трёх дворов, князь вышел из замка и пошёл по западной дороге, ведущей к монастырю Ринсэн. Здесь он не был уже несколько лет, с тех пор как бежал в Точию. Монастырь оставался всё тем же, не капли не изменившись. На пути, по-прежнему, стояли ворота. Первые, небольшие и простоватые, вторые побольше, с двумя стражами-мёо. Под аркой вторых ворот, на потолке – красовался белый дракон, парящий в облаках. Кагэтора ненадолго остановился, подняв свой взор, чтобы полюбоваться на изображение мифического существа.

Преодолев ворота, молодой даймё вступил во внутренний двор монастыря. Вокруг не было ни души. Видимо, монахи были заняты своими делами или молились в главном святилище. Сыновей самураев здесь больше не обучали, по крайней мере, пока. На время войны, знатные воины предпочитали держать своих детей при себе. Кагэтора, наверное, был одним из последних детей, обучающихся в Ринсэндзи. И, тем не менее, всё здесь навивало воспоминание.

Вспомнив, немного, о своём детстве, Нагао прошёлся по двору, мимо старого колокола и замёрзшего пруда, свернул чуть левее и устремился к кладбищу. Он не хотел отвлекать настоятеля от дел и решил пока навестить могилы отца и братьев. Ему, вдруг подумалось, что пред-

сказание Усами были о сегодняшнем дне. Ведь монастырь и его настоятель, несомненно, имеют отношение к прошлому Кагэтора, а могилы предков, вполне сопоставимы с «миром духов». Хотя, возможно, гадания его советника предполагали нечто другое. Не зря же Садамицу был так встревожен.

Недолго помолвившись, князь отправился обратно к монастырю. У самого входа в святылища он наткнулся на настоятеля Тэншицу Коику. Кагэтора учтиво поклонился и поприветствовал старого наставника.

– Охайо, настоятель Коику! Вы ничуть не изменились! – с добродушной улыбкой произнёс Нагао.

Монах удивлённо посмотрел на молодого князя и неодобрительно покачал головой:

– Что же это ты? Забыл, что врать не хорошо? Я состарился на целых пять лет с последней нашей встречи! – возмущённо заявил Тэншицу. – Смотри! – он оттопырил пальцами нижнее веко. – Видишь, как кожа на лице обвисла? Разве это можно назвать хорошо? Мне уже семьдесят девять, а ты говоришь хорошо!

– Всех нас постигнет смерть, от старости или от меча. – философски заметил Кагэтора. – Что уж тут сетовать.

– А-а! – Коику погрозил пальцем, но не угрожающе, а даже наоборот, с одобрением. – Хоть что-то, ты да усвоил. Пойдём в мою скромную обитель, чаю попьём. – пригласил монах.

– С превеликим удовольствием! – согласился Нагао.

Через некоторое время, Кагэтора и настоятель Ринсэдзи, сидели в маленьком домике. Монах приготовил чай, да такой вкусный, какого князь не пил ни разу в жизни.

– Как у вас это получается? – восхищённо спросил Кагэтора. – У меня есть много вассалов, увлекающихся чайной церемонией, но ни у кого из них не выходит так, как у вас!

– Всё потому, что они увлекаются, а не готовят. – не глядя на даймё, ответил монах, наливая ещё по одной чашке. – Все чайные мастера ищут что-то новое, какие-то рецепты и способы приготовления, но дело в том, что их нет. Чай остаётся чаем, что бы ты с ним не делал. Мне не нужны никакие способы, я просто его готовлю. Это, как медитация.

– Вы снова говорите загадками. – Кагэтора улыбнулся краешком рта, вспоминая, как настоятель наставлял его своими замысловатыми фразами.

– А ты не ищи загадок. – хмыкнул Коику. – Всё естественно и однозначно. Ты вот, тоже, легко можешь приготовить чай, если перестанешь думать, как его приготовить.

Кагэтора промолчал. Настоятель действительно не изменился и, как бы он сказал, – «Постарела только моя брэнная оболочка».

– Так, что тебя привело? – после недолгого молчания, спросил Коику.

– Я пришёл вас по проведывать. – быстро ответил Кагэтора.

– Снова врёшь! – монах уставился на князя своими маленькими глазками. – Когда же ты научишься говорить сам, а не то, что советует тебе твой мозг! Хотя, – Тэншицу отвёл взгляд и сделал маленький глоток. – если бы ты научился, тебя бы здесь не было.

– Меня насторожили предсказания моего советника. – Нагао потупил взор. – Да и сам я запутался. Мне кажется, что мне чего-то не хватает.

– Убереги меня Будда от всякой человеческой глупости! – взмолился монах. – Насторожили, запутался, кажется! – повторил он слова даймё. – Ты как новорожденный ребёнок! Хотя, нет! Ты ещё хуже! Разве можно говорить такие слова, после того чему ты научился?! Убирайся! Пошёл прочь!

– Настоятель Коику! – обескураженно воскликнул Кагэтора. – Вы чего?

– Ладно, стой. – монах улыбнулся. – Я пошутил.

– Ну и шутки у вас! Вы же просветлённый человек!

– И что, я не имею права шутить? Хорошо. Дам тебе один совет, но после этого, больше не обращай ко мне с подобными глупостями. Понял?!

– Да настоятель!

– Так вот – ты глупец, раз идёшь в поводу своих желаний. Твой вассал не мог заставить тебя насторожиться, ровно так же, как и ничего не могло тебя запутать. Всё это ты себе выдумал и теперь мучаешься. Ведь ты и сам всё прекрасно знаешь и всё равно ищешь чужого совета. Запомни – ты великий мудрец! Твоё естество бесконечно и всеобъемлюще! Тебе подвластны любые решения, и ты можешь абсолютно всё! Перестань уже, наконец, думать. Понял?

– Нет.

– Вот и славно! – снова заулыбался монах. – Нечего размышлять над словами старого безумца.

Оба расхохотались. Допили чай и Кагэтора начал собираться в обратный путь. Тэншицу проводил его до больших ворот.

– Кстати, настоятель Коику. – вдруг вспомнил Нагао. – А где малыш Сачико?

– Ах, этот. Ну, да. Ну, да. – сам себе повторил монах. – Он убежал ещё в начале весны.

– Почему?

– Не захотел обрить голову, а решил заняться самодурством – стать самураем.

– Ясно. – кивнул Кагэтора. – Надеюсь, он додумается прийти ко мне. Я бы взял его на службу.

– Да сохранит его будда, если он явится к тебе! Нынешнее общество затуманило твоё сознание, неужели ты желаешь ему того же? – Коику хотел было уйти, но спросил напоследок. – Я бы тебе тоже посоветовал обрить голову и стать монахом, а ещё лучше- пожить вдали от людей. Таким заблудшим это помогает.

– Тогда, почему вы живёте в монастыре, да ещё и рядом с городом? – с интересом спросил Кагэтора.

– Мне не нужно отшельничество, я и так всё прекрасно вижу.

Тэншицу развернулся и пошёл обратно в святилище. Кагэтора лишь качнул головой:

– Ни капли не изменился.

После полудня молодой князь вернулся в замок. Валил крупный снег. В главном дворе творилось что-то непонятное. Женщины, жёны самураев, включая Сэйган и Оген, «умирали» от смеха, в то время как их мужья кувыркались в снегу.

– Что здесь происходит? – спросил Кагэтора, подойдя к матери.

– Сын мой, ты только взгляни! – монахиня указала в сторону дурачившихся вассалов. – Взрослые мужи, воины, а ведут себя как дети!

Самураи играли в «снежки». Катали небольшие шары из мокрого снега и кидались друг в дружку. Больше всех доставалось Ятаро. Из-за его комплекции, он был довольно лёгкой мишенью. Зато Амакасу, с его средним ростом и необычайной ловкостью, не получил ещё не одного попадания.

– Господин! – завидев князя, прокричал Какидзаки. – Присоединяйтесь! Это отличная тренировка для мышц рук и меткости глаз!

– Да Кагэтора-сама! – поддержал Кагэмочи. – Представьте, что снежки- это стрелы и от них нужно уворачиваться или отбивать!

– А мне нравится! – весело согласился Кагэтора. Скинув с себя лишнюю одежду, он ринулся к своим воинам. Слепил комок, увернулся от броска Китадзё и тут же отправил свой снежный шар в лицо Амакасу. Глаза Кагэмочи залепило снегом, и он гневно закричал:

– Господин Кагэтора, так нечестно! В меня ещё ни разу не попадали!

– Вы только посмотрите, – смеясь, произнесла Оген, стоявшая рядом с Сэйган. – И князь туда же!

– Такие они – мужчины! – заметила монахиня, не сводя глаз с сына. – Сколько бы битв не прошли, сколько бы подвигов не свершили, а всё им веселья да игры!

Глава 3

Долг отца

Месяц Яёй, 17-го года Тэнмон (апрель 1548). Касугаяма, Этиго.

Касугаяма бурлила жизнью. Зима не выдалась слишком суровой, и жители Этиго избегали обильных снегопадов, а соответственно и больших заносов на дорогах. В северную провинцию стали стекаться всё больше торговцев, путешественников и паломников. Наоэ Кагэцуна, доверенный вассал князя Нагао, неустанно трудился на своём поприще по возведению городских построек и доков на побережье Нихонкай. Хотя порт ещё не был закончен и всё же, здесь уже появились первые торговые лавки, и даже причалило несколько кораблей из других провинций. Суда, в основном, были торговые, везли рис, шёлк, оружие и ещё всякую всячину. Люди хотели торговать и богатеть за счёт этого. Как-то в порту, даже появился боевой корабль, на парусе, как и на знамёнах самураев, красовался герб-мон – три разрезанных дыни. Кому-то, может это не о чём и не говорит, но знающие люди сразу узнали представителей клана Асакура. Прибыли они не просто так, а договориться о морской торговле Этиго с провинцией Этидзэн, где и хозяйничал данный самурайский клан. Сухопутную торговлю вести было никак нельзя, потому, что дорогу в Этидзэн перекрывали злополучные Дзинбо из Эттю и икко-икки из Каги. Кагэтора согласился на предложения Асакура, послал гонца с документом в Нагаоку, к достопочтенному сюго Уэсуги, дабы тот знал о всех делах, творившихся в провинции. Сададзанэ соглашение одобрил и теперь Этиго и Этидзэн могли спокойно торговать, но кроме этого, каждая сторона обязывалась охранять торговый морской путь от пиратов-вако, иначе, ничего хорошего из этого не выйдет.

В один прекрасный, солнечный, весенний день, когда дул приятный влажный, морской ветерок, господин Наоэ, устав от трудового дня, присел отдохнуть на свой складной стульчик, с которого он отдавал приказы строителям. Стянул с головы эбоши и вытер пот со лба. Переведя дыхание, он мечтающим взглядом, посмотрел на прекрасную водную рябь. Там вдалеке виднелся белый парус, с едва различимым моном, какого-то корабля, приближающегося к порту.

– Очередной торговец, наверное, – подумал в слух Кагэцуна.

– Господин Наоэ! Кагэцуна-сама! – орал кто-то неподалёку. Самурай огляделся и увидел бегущего в его направлении человека. Это был один из его начальников над рабочими.

– Чего ты так кричишь?! – неодобрительно прикрикнул Кагэцуна. – Добеги сначала и объяснись толком.

Человек, в конце концов, достигнув своего господина, отдышался и начал выплёскивать из себя поток информации.

– Там, балка... Ну, то бревно, на котором причал держится. Утонуло. Мы её ловили, ловили, а оно взяло да уплыло... Что делать?

Наоэ посмотрел на работника как голодный кот на толстую мышь.

– Я понял, – свая унесло течением. Как? – работник на это, лишь развёл руками. Взгляд Кагэцуны оставался неизменным. – Как, я тебя спрашиваю, его могло унести, когда вас там двадцать человек работает?

– Да мы так-то не совсем соображаем, что там к чему. Вы ведь не дали чётких указаний по строительству причала, мы же больше по дорогам мастаки.

– Я оставлял вам человека, который знает всё что нужно? Где он?

– Так он вчера женился. – ответил работник. – Не отошёл ещё.

– Ах, женился! – Наоэ закатил глаза. – Ну, так это меняет дело. Дай мне свою руку.

– Зачем? – не понял строитель.

– Монетку тебе дам. – спокойно ответил Кагэцуна. Работник протянул ему левую руку, самурай мгновенно схватил её и потянулся за катаной.

– Что вы делаете Каэцуна-сама?! – запаниковал строитель. – Не рубите!

– А ты думал, я тебя награжу?! Криворукая ты обезьяна! А ну не дрыгайся! Хотя, подожди! Давай я лучше голову тебе отрублю, там всё равно мозгов нет!

Рабочий, в конце концов, вырвался, а Наоэ погрозил ему мечом.

– Пошёл прочь, недоносок! И чтобы к вечеру причал стоял! Ищи своё бревно, где хочешь!

– Я всё сделаю Кагэцуна-сама! – испуганно закивал рабочий и побежал исправлять ошибку.

– Идиот. – буркнул под нос Наоэ и снова опустился на стул. Пока он разбирался со своим рабочим, корабль, что он недавно углядел, причалил к порту. Наконец, на парусе можно было разглядеть герб владельца. Каково было удивление Кагэцуны, когда он узнал, кому принадлежало судно.

– Ба-а! Да это ни как Хонма с острова Садо!

В подтверждение его слов, с корабля вышли трое. Это были самураи с отличительными знаками того самого клана Хонма, а точнее, его сторонней ветви – Хамочи. Возглавлял трио худошавый, узколицый мужчина, с острым, горбатым носом и длинным подбородком. Он и его сопровождающие, направились прямо к Наоэ. Видимо разглядели мон на его хаори.

– Конничива Наоэ-сан! – поздоровался самурай. Узнал всё-таки. – Я Куними Хисамото, верный вассал и советник князя Хамочи Такасады, и как его посол, представляю его интересы.

– Конничива Хисамото-сан! – поклоном ответил Кагэцуна. – Я Наоэ Кагэцуна вассал его светлости Нагао Кагэторы! Чем могу быть полезен?

– Собственно к вам, у меня ни каких дел нет, но у моего господина, к вашему даймё, есть. – вежливо ответил Куними. – Дело очень срочное и не требует отлагательств. Я буду очень благодарен, если вы сообразовываете устроить нам встречу.

– Это можно. – задумчиво ответил Наоэ.

Уже через час в главной зале замка Касугаяма собрались самые доверенные слуги князя Нагао. Как и всегда, они сидели по краям, у фусума. Гость со своими сопровождающими, расположились в самом центре, лицом к помосту, на котором, вот-вот должен был появиться сам даймё. Но его не было. Наоэ, с удивительной быстротой, устроивший эту встречу, проявлял толику нетерпения. Ему было любопытно, что Садо может предложить Этиго, и с предложением ли явился этот представитель Хонма. Сам же посол, напротив, проявлял великую выдержку и терпеливо дождался Кагэтору.

Усами, сидящий у самого помоста, внимательно наблюдал за гостями, но особо не засматривался, дабы не смущать их. Ещё, его внимание приковал массивный свёрток, который принесли с собой послы, и он даже смог предположить, что в нём замотано.

– Наш господин изволит принимать водные процедуры. – как бы оправдываясь, проговорил Наоэ. – Он очень серьёзно относится к данной практике и не любит прерываться.

– Что за практика? – без интереса спросил Куними. Оправдания Кагэцуны, на его взгляд, были излишни. Он считал, что любой господин сам вправе решать в какое время ему принять послов.

– Он практикует сюэндо – путь горных отшельников. – пояснил Наоэ.

Посол, не проявлявший до этого никаких эмоций, удивился, и по его глазам было видно, что князь Нагао, уже внушает ему уважение. Он захотел поподробней расспросить Кагэцуну о его господине, но тут он и сам появился.

Все склонились к полу. Когда князь занял своё место, Куними Хисамото медленно выпрямился и смог разглядеть знаменитого покорителя Этиго. Нагао Кагэтора был молод, как и говорила молва. На его лице, едва пробились первые волосы. Но взгляд его поразил посла до глубины души. Серьёзный и невозмутимый, он, будто, смотрел в самую душу, вытаскивая

и взвешивая все хорошие и злые поступки. Но даже, если не смотреть ему в глаза, было видно, что этот скуластый, высокий, широкоплечий юноша, намного взрослее своего действительного возраста. Куними проникся к нему ещё большим уважением, хоть и видел его впервые, а заодно и решил, что говорить с ним нужно, как можно осторожней. Засмотревшись на Кагэтору, Хисамото даже не заметил двух его телохранителей, гиганта Ятаро, выглядевшим словно они из Дзигоку и нагло ухмыляющегося фехтовальщика Китадзэ Такахиро.

– Приветствую вас господин Кагэтора! Я Куними Хисамото, советник его светлости Хамочи Такасады! – произнёс посол, когда князь, знаком приказал ему говорить. – В эти прискорбные для нашего острова времена...

– Хисамото-сан, прошу вас, оставьте эти формальности! – прервал посла Усами. – Наш господин, конечно, уважает этикет, но, поверьте – это излишне. Говорите, по какому поводу вы прибыли в Этиго.

– Что ж, это даже лучше. – кивнул Куними и снова обратился к князю. – Клан Хонма, а точнее его сторонняя ветвь – Хамочи, находится в тяжёлом положении. Кавахарада – другие представители клана, изнуряют нас своими нападками и бесконечной войной за контроль островом и главенства в клане. Когда-то, ваш отец, господин Тамэкагэ, попросил у нас помощи для своих нужд и даже заключил брачный союз. Тогда, отец моего господина, Хамочи Таканобу помог ему и теперь, мы просим вас помочь нам в разрешении данного спора. – Хисамото ненадолго прервался, наблюдая за Кагэторой. Тот внимательно слушал, и по его взгляду было видно, что данная история не полная и требует продолжения. Посол продолжил. – Наша просьба не беспочвенна. Клан Хамочи издавна был выше Кавахарада и имеет больше права на власть чем они. Но, к глубочайшему сожалению, Хамочи пришли в упадок и могут похвастаться лишь давним союзом с кланом Нагао, тогда как у Кавахарада, богатые и обширные территории. До недавнего времени, граница между нашими владениями была в пределах реки Кокуфу, но в данный момент, нас отгеснили на юг и уже в скором времени, Кавахарада подойдут к нашей главной твердыне.

Куними умолк, посчитав, что рассказал достаточно, чтобы князь Этиго понял суть их проблемы. Кагэтора молчал недолго и вскоре задал вопрос:

– В чём же причина вашего упадка?

– Дело в том, что в пределах владений наших врагов есть некие ресурсы, которые весьма способствуют прибавлению их армии. – уклончиво пояснил Хисамото. – В основном, в рядах Кавахарада, сплошные наёмники: ронины, вако и горные разбойники-акуто. А недавно, чуть больше полугода назад, у них появился странный человек, который внушает ужас в наших воинов. – при упоминании этого человека, Куними пробрала еле заметная дрожь.

– Что это за человек? – с интересом спросил даймё. Он почувствовал страх, охвативший Хисамото, и каким-то образом ощутил, что это страх не перед обычным человеком.

– Не знаю! – покачал головой Куними. – Никто не знает! Нам известно лишь его имя и что он необычайно умён, силен, быстр и кровожаден. Он в одиночку смог убить двадцать наших самураев, которые пытались выследить его. Говорят, что ночью, он рыскает по лесу и охотится на животных с голыми руками, словно дикий зверь. Это явно не человек!

Послышался лёгкий смешок Ятаро. Его, обычные люди, да и некоторые воины, тоже считают не человеком.

– И как же его имя? – Кагэтора ещё больше заинтересовался трагедией Хамочи.

– Ониро!

– Больше похоже на прозвище! – хмыкнул Какидзаки. – А из какого он клана, и в каком статусе этот Ониро, находится у Кавахарада?

– Про его клан ничего неизвестно. Это имя, единственное, что мы знаем. Ещё он водит отряды наёмников в бой против нас. – ответил Куними. – Остальными командуют другие полководцы.

– Странно. – снова произнёс Кагэиэ. – Имя не самурайское, а положение высокое. У вас там действительно твориться неладное!

– Так, как вы выживаете? – спросил теперь Наоэ. – Вы говорите, что все ресурсы у вашего врага, а война, я так понимаю, идёт довольно давно.

– У нас обширные поля на малом Садо, – пояснил посол. – но и они подверглись разорению, перед прошлогодним сбором урожая.

– Кавахарада?

– Нет, лисы!

– Кто?! – это уже был Амакасу. – Лисы? Вы уверены?

– Вы, что хотите назвать меня лжецом? – возмутился Куними.

– Нет. – Кагэмочи бросил вызывающий взгляд на Хисамото. Посол оказался храбрецом, раз повысил свой тон в присутствии князя. – Но это звучит абсурдно! Как лисы могут разорить поля, которыми кормится почти весь остров?

– Я понимаю ваше негодование, но это чистая правда. – серьёзно заявил Куними. – Эти лисы наводнили наши земли. Мы не знаем, откуда они взялись на нашем острове в таком количестве. И, что самое важное – они разоряют лишь наши владения, будто какая-то неведомая сила толкает их на это.

– Ваша история полна странностей. – заключил Наоэ, задумчиво.

– Сколько боеспособных людей у Кавахарада? – спросил Какидзакэ.

– По нашим донесениям у них не больше тысячи. – Куними на мгновение задумался и добавил. – Но у нас нет информации о наёмниках.

– Тогда, какова ваша армия? – снова задал вопрос Кагэиэ.

– Триста. – эта цифра вызвала удивление вассалов Нагао. Хисамото с прискорбным видом опустил голову, произнеся. – И ещё несколько сотен рекрутированных крестьян.

– Дело ясно. – сказал, наконец, Кагэтора. – Значит, вы хотите нашу армию. Но, к сожалению, в Этиго нет достаточно кораблей, чтобы переправить сильную армию через море, а посылать две-три сотни воинов – это чистое самоубийство. Я проникся вашей бедой и очень хочу помочь, тем более, что мой отец обещал вам поддержку, но для отправки армии нужно время на подготовку.

– Я понимаю. – печально склонил голову Хисамото. – Сколько времени вам понадобится?

– Подождите господин! – внезапно вскинулся Усами, прежде чем князь ответил. – Я понимаю, что некогда, Нагао Тамэкагэ обещал вам помощь и даже взял в наложницы дочь Хамочи Таканобу, но к сожалению, она умерла давным-давно, а господин Кагэтора не обязан оплачивать долг своего отца. Так, что договора, как такового нет.

– Усами! – повысил голос даймё, недовольный корыстными словами своего советника, но Садамицу не унимался.

– Если вы хотите, чтобы мой господин помог вам, нужен новый договор. – Усами хитро ухмыльнулся, поглаживая свою бороду. – Что вы можете предложить нам? Какими ресурсами располагают Кавахарада?

– Я ожидал, что до этого дойдёт. – слова Садамицу расстроили Куними, но он совладал с собой. – Во владениях Кавахарада есть золотая шахта. Раньше, и мы, и они, получали с неё доход, но сейчас всё изменилось. Если ваша помощь принесёт свои плоды, клан Хамочи готов будет поделиться с вами четвертью отработанного золота в наших рудниках.

Глаза некоторых вассалов заблестели. Не от жадности, но от весьма весомого обстоятельства в пользу помощи разорившемуся клану. Кагэторе это не очень понравилось. Он никогда никому не помогал в корыстных целях. Да и забота о благосостоянии провинции лежала не на его плечах, всё это взяли на себя люди, более сведущие в этих вопросах. Усами и Наоэ были одними из этих людей и, лишь поэтому Кагэтора не стал упрекать своего советника.

– Это меняет дело. – Усами, наконец, успокоился и обратился к князю. – Мой господин! Что скажете? Какое будет ваше решение?

– Я понял вашу просьбу. – произнёс Кагэтора. – И прошу вас подождать до вечера, пока я обсужу со своими вассалами некоторые детали. – князь грозно оглядел всех присутствующих. – До полуночи, я дам вам ответ.

– Благодарю вас Кагэтора-сама! – поклонился Куними. – И ещё кое-что.

Молодой Нагао вопросительно воззрился на Хисамото. Тот в свою очередь, положил перед собой тот большой свёрток, что держали его сопровождающие, развернул и явил, всеобщему взору, длинный меч в четыре сяку длинной.

– Этот нодачи «Умакири», что значит «Разрубатель лошадей», принадлежал старому господину Таканобу! – торжественно заявил Куними. – С этим мечом он пришёл на помощь вашему отцу! Он сказал мне, перед тем, как я отправился в Этиго – «Хисамото, каким бы ни было решение Нагао Кагэторы, отдай ему этот меч в качестве подарка, потому как, дарить нам больше нечего.» – посол, поклонившись, протянул меч князю.

У Кагэторы заблестели глаза при виде прекрасного клинка. Его цуба была выполнена в виде позолоченной, замысловатой фигуры, а рукоять была обмотана чёрной шёлковой лентой. Молодой даймё принял меч с великим почтением и поклонился в ответ.

– А теперь, с вашего позволения, я буду ожидать вашего решения. – Куними не скрыл удовольствия в своём взгляде, когда увидел, как тронул сердце Кагэторы.

– Да. – кивнул князь, еле оторвавшись от созерцания меча. – Наоэ, распорядись, чтобы наши гости ни в чём, не нуждались!

Кагэцуна всё понял и поспешил выполнять приказ. Когда посол из Садо удалился, Кагэтора, с оставшимися, принялись обсуждать предстоящую кампанию. То, что поход состоится, князь не сомневался, но для его осуществления нужны были корабли, а их в Этиго, практически не было. В конце концов, решили привлечь клан Огуни, которые славились своим кораблестроительством и Шибата, которые достаточно богаты, чтобы обеспечить быстрое производство. А контролировать, сею работу, поставили Каджи Харуцуну, из порта которого, готовые корабли и отчаливают к берегам острова Садо. Выступать надумали, после сезона дождей, то есть, через два месяца.

Самое прискорбное было то, что Кагэтора, ни в какую, не хотел брать с собой Усами или Наоэ, объясняя это тем, что они больше нужны в Этиго. А там, на этом кошмарном острове, молодой даймё и сам справится. Помогут ему в этом, два его верных телохранителя, да Какидзаки с Амакасу. Садамицу это решение не понравилось, и он решил перестраховаться.

Усами спокойно шёл по строившемуся порту и размышлял, как бы лучше уберечь молодого господина от его упрямства и излишнего благородства. Ему нужно было непременно отправить кого-то на Садо, чтобы узнать всю обстановку. К тому же, стоило бы по подробней, изучить своего врага. Если уж даймё хочет, чтобы Садамицу остался в Этиго – пожалуйста, но помогать своему сюзерену на расстоянии ему никто не запрещал. Да и в провинции у старика найдётся уйма дел, которые он может решить без контроля господина Нагао. Но, вот кого-бы отправить?

День близился к концу, но в порту люди не расходились. Работы продолжались до заката солнца. Торговцы и лавочники, тоже, не торопились покидать насиженных мест. После нескольких лет войны, местные жители ежедневно закупались товаром, чего не могли сделать уже долгое время.

Усами остановился передохнуть и подумать о насущной проблеме. Он присел на один из многочисленных ящичков, наваленных в порту и на рынке. Огляделся. Всё шло своим чередом.

Но всё же, взгляд его остановился на одном юнце, который наблюдал украдкой за торговцем фруктами.

Паренёк был не высок, немного чумазы и с взъерошенной копной густых волос. Лицо круглое с курносым носом и большим ртом. Одежда на нём тоже была грязноватая – не иначе бродяга. На вид ему можно было дать четырнадцать, или поменьше.

Мальчишка, наконец, закончил наблюдать за лавочником и подошёл к корзинам с фруктами.

– Сколько стоят персики? – юношеским, ломающимся голосом, спросил паренёк.

– По одному не продаю. – пренебрежительно, глядя на мальчишку, ответил торговец. –

Корзина – пять фун.

– Скупердьяй! – раздосадовался юнец. – За пять фун я меч себе куплю!

– Если только деревянный. – с издевкой, усмехнулся лавочник. – Если нет денег, проваливай!

– Ну и пойду. – обиженно заявил оборванец. – Смотри, у тебя там воруют!

– Кто посмел! – удивился торговец, оглядываясь по сторонам, а когда повернулся, мальчишки и след простыл, да ещё и вместе с парой-тройкой персиков. – Гадёныш! – заорал торговец. – Увижу, все руки тебе по отрываю!

Усами, видя всё происходящее, вмешиваться не стал. Он заметил, куда удрал воришка и спокойно отправился вслед за ним.

Паренёк, в свою очередь, убежал подальше от рынка, юркнул за угол одного из зданий, спрятался за ящиками и начал набивать живот добытой едой. Успел съесть он только два персика, кода же принялся за третий, кто-то потянул его за ухо, вынимая из укрытия.

– Ой-ой! Больно же! – запричитал паренёк, отмахиваясь от обидчика. – Я ничего не делал, отпусти!

Мальчугана с силой оттолкнули, и он упал на пятую точку. Когда пришёл в себя, то смог разглядеть того, кто не дал ему закончить трапезу. Оказалось, что это был старый самурай, среднего роста, немногим выше самого паренька, седой и с козлиной бородкой, которую медленно наглаживал, коварно ухмыляясь.

– Кто вы? Я ничего не крал! – начал оправдываться юнец, пытаясь подняться. Но самурай, вытащил из-за оби сложенный веер-тэссэн и легонько приложил парня по лбу. Тот уселся обратно.

– Даже не думай от меня сбежать! – пригрозил Усами. – Я достану любого -где угодно и когда угодно. Зачем ты обокрал торговца?

– Я не... – воришка тут же схлопотал ещё один удар, но уже посильнее.

– Я всё видел! – сказал Садамицу, голос его был ровный, спокойный, немного игривый. – Кто ты такой? Откуда? Что здесь делаешь?

– Я э-э-э... – мальчуган немного смутился. Он-то думал, что сейчас ему отрубят руку или посадят в яму с гнилыми отходами, а тут просто – миролюбивое дознание. – Меня зовут Сачико. – ответил, наконец, юноша. – Я ищу князя Кагэтору.

– Что?! – Усами не скрыл удивления. – На рынке? Господин Кагэтора живёт в замке. Да и с чего ты взял, что он будет говорить с каким-то воришкой?

– Я не вор! – возмутился Сачико. – У меня просто нет денег, а не ел я уже много дней!

– Не вор, говоришь? Однако, ты обдурил того лавочника и украл у него три персика. Хочешь сказать, ты не крал до этого?

– Нет. – замотал головой юнец. – Это обычная уловка. Я так от монахов убежал, когда они хотели меня наказать.

– Так ты в храме жил? В каком? – Усами сам не понимал почему, но этот мальчуган привлекал его внимание.

– В Ринсэндзи! Я обучался там вместе с господином Кагэторой, до того, как его забрал какой-то старик. Кстати! Он был очень похож на вас! – Сачико пригляделся повнимательней к Усами. – Точно, точно! Лицо у него было другое, а глаза точно такие же – маленькие и хитрые!

– Ах, ты невежда! – оскорбился Садамицу и в очередной раз, приложил незадачливого паренька, веером по лбу. – Ты с кем разговариваешь!? Забыл!?

– Я и не знал! – на глазах у Сачико стали наворачиваться слёзы. – Вы же не представились! Усами успокоился быстро. Его интерес к пареньку, разыгрался ещё сильнее.

– Так, значит, ты хочешь поговорить с князем, чтобы он взял тебя на службу?

– Ага. – кивнул Сачико, потирая лоб. Кажется, злобный старик набил ему большую шишку. – Я убежал из монастыря, чтобы стать самураем у господина Кагэторы, а не монахом, как этого желал настоятель Коику.

– Вот как? – Садамицу задумался. – Что ж посмотрим. – сказал он сам себе.

– Чего посмотрим? – удивился юнец и получил очередной удар, но уже в переносицу.

Очнулся Сачико, уже в другом месте и от холодного потока воды. То была небольшая комната с деревянными стенами и, каким-то запятнанным полом. Отряхнувшись от воды и протерев глаза, паренёк понял, что это были за пятна и для чего эта комната была предназначена, когда оглянувшись, увидел на стене разнообразные устрашающие орудия, не иначе, как пыточные. Сердце мальчугана ушло в пятки. Он не мог проронить ни слова. Открыв рот, он смотрел на сидящего перед ним на складном стуле, Садамицу.

– Продолжим разговор. – произнёс Усами, видя, что паренёк пришёл в себя. – Раз уж ты собрался на службу к князю, значит, у тебя должны быть какие-то навыки? Что ты умеешь?

– Где я? – кое-как выдавил из себя Сачико. – Вы меня пытаете? Я не шпион!

– Отвечай на вопрос! – прикрикнул Усами.

– Я, я много чего умею. – заикаясь ответил паренёк. – Петь могу, танцевать, ещё воду носить, полы мыть...

– Ты, что идиот? – усмехнулся Садамицу. – Если ты сейчас не будешь со мной откровенно беседовать, я оторву тебе ногти. Потом, поджарю твои ступни, осколплю, заставлю жрать дерьмо, выкалю глаза...

– Я понял, понял! – завопил Сачико. Слова Усами приводили его в ужас. К тому же, данное помещение весьма наглядно подтверждала это. – Я обучался в Ринсэндзи боевому искусству у монаха Кохэя. Читал много книг по истории, стратегии и религии. Но лучше всего, у меня получается стрелять из лука. Ещё, монахи часто посылали меня на поиски всяких трав. Если что-нибудь теряли, просили найти. Говорили, что я очень наблюдательный и зоркий. Что ещё вы хотите знать?

– Вот видишь. Молодец! Даже пытаете не пришлось! – иронично похвалил Садамицу. – Я думаю, этого будет достаточно.

– А, что дальше? – Сачико насторожился, втянув шею в плечи. – Вы меня убьёте?

– Нет. – Усами улыбнулся, как можно старательнее, изображая благожелательность, что едва получалось с его природным хитрым взглядом. – Но у меня есть для тебя одно сложное поручение, как раз по твоему профилю. Если ты его выполнишь, я рекомендую тебя князю.

– А если нет?

– Тогда тебя уже никто, никуда не рекомендует.

– То есть...

– То есть, если ты сделаешь всё правильно, то лично сможешь встретиться с господином Кагэторой. Если нет, то просто умрёшь, выполняя поручение своего князя.

– А отказаться можно?

– Можно. Но тогда тебя ждёт тюрьма, за воровство. А оттуда, если тебе известно, никто живым не выходит.

– Я согласен! – кивнул Сачико. Он и не собирался отказываться, ведь если он выполнит поручение, то его мечта, стать самураем, осуществится. – Что нужно делать?

– Торопыга! – хмыкнул Усами. – Всё очень просто. Тебе нужно отправится на остров Садо в порт Рёцу – это владения клана Кавахарада. Там, ты встретишься с хозяином одной захудалой рёкан под названием «Горная дорога». Имя его Кацута. Скажешь ему, что ты от «Господина Бурдюка», за это он даст тебе временное жильё и немного пищи.

– «Бурдюка»? Ха, ха! Это вы, что ли «Бурдюк»? – засмеялся Сачико, но осёкся, когда Усами метнул в него пронзающий, словно стрела, взгляд. – А дальше то, что?

– Дальше, тебе нужно слушать, что говорят люди. Любые слухи, которые хотя бы косвенно касаются кланов Хамочи и Кавахарада, ты должен запомнить. Ни в коем случае не записывай, вся информация должна храниться у тебя в голове. Ты понял? – Сачико кивнул. Он слушал очень внимательно и с несвойственной ему, серьёзностью. Садамицу продолжил. – Особенно, слушай, что говорят воины. Любые, будь то пират, наёмник, ашигару или самурай. Они часто обсуждают своих господ за чаркой сакэ. Смотри на подозрительных и важных людей, запоминай их, слушай. Не что не должно укрыться от тебя.

– А потом, что?

– Потом. На остров прибудет господин Кагэтора с армией и тебе, во что бы то ни стало, нужно будет попасть к нему, и только к нему. Всё, что ты увидишь или услышишь, ты должен передать лично ему и никому более. Всё ясно?

Сачико деловито кивнул. Он понял, что этот злой старик хочет сделать из него шпиона-соглядатая. Это было немного не то, чего хотел юнец, но как говорил один ханьский стратег – шпион – это самое главное на войне.

– И ещё, – добавил Усами. – ни в коем случае не говори, что ты из Этиго, никого не преследуй и никуда не проникай, если это не в твоих силах. Главное, собрать как можно больше информации о положении на Садо и доложить об этом Кагэторе-сама.

– Я всё понял. – Сачико уже давно свободно сидел на полу, скрестив перед собой ноги и уже без страха, но с осторожностью, смотрел в глаза Усами. – И всё-таки, это вы были тогда в Ринсэндзи?

– Нет. – Садамицу удивлённо поднял бровь. – Я не был там уже много лет. А ты, спрашивай только по делу или проваливай! Корабль на Садо отправляется завтра в час зайца.

– Как я попаду на корабль? – озадаченно спросил Сачико.

– Это уже твои проблемы. – насмешливо ответил Усами. – Если ты не сможешь даже попасть на остров, то какой от тебя прок? Вот тебе пять фунт серебром. Больше от меня ничего не жди.

– Пять фунт?! – ошеломлённо, переспросил паренёк. – И, что я буду с ними делать?

– Кто-то, недавно говорил, что купит на этот вес себе меч. – парировал Садамицу. Сачико это смутило, но не огорчило.

– А когда Кагэтора-сама прибудет на остров? – уточнил юнец.

– Через два месяца.

– Чего? И я два месяца должен жить неизвестно где, на пять фунт?

– Ты чем-то недоволен?

– В сё прекрасно.

– Ты готов?

– Разумеется.

Последнее, что увидел Сачико, это снова тот сложенный тэссэн у его переносицы, а потом темнота.

Очнулся паренёк на том самом месте, где его за поеданием персиков, застучал Усами Садамицу. Кошель с пятью фунтами серебра, был спрятан у него за оби. «Значит, не привиде-

лось.» – подумал Сачико. Он встал, отряхнулся и пошёл обратно в порт, поглаживая шишку на лбу.

– Проклятый злобный старик! – не громко выругался он. – Вот начну служить князю Кагэторе, ты у меня заплатишься!

Месяц Фумидзуки, 17-го года Тэнмон (июль 1548). Порт Ниигата, Этиго.

– Ещё полчаса господин и мы будем готовы! – отчитался капитан корабля. – Осталось загрузить последнее судно, и воины могут взойти на палубу!

Кагэтора согласно кивнул и повернулся к своим вассалам. Провожать армию Этиго в поход, явились почти все кокудзин, в том числе и северные. Не было только самураев с самого севера – замка Хондзё и южан, таких, как Таканаши, Окума и Санпонджи. Усами и Наоэ тоже приехали проводить господина. Садамицу не оставлял попыток присоединиться к своему даймё.

– Усами, я всё сказал. – серьёзно заявил Кагэтора. – Ты, Наоэ и Хондзё самые доверенные мои люди, и вы должны приглядывать за Этиго, пока меня не будет.

– Как вы будете там, без наших советов? – уныло проговорил Кагэцуна. – Вы же не взяли ни одного здравомыслящего человека! Вы посмотрите на эти рожи? Вот Ятаро – сущий демон воплоти, там Китадзё – горделивый головорез! А эти двое? Какидзаки, которому лишь дай команду – «В бой!», и он всё на свете забывает и Амакасу – безголовый сорванец! А про Каджи я вообще молчу! Тот, просто живодёр! У него даже шутки, и те из-под меча!

– Прекрати Наоэ. – князь положил руку ему на плечо. – Ты причитаешь, как моя детская нянька Ясу.

– Между-прочем, она очень добрая и заботливая женщина... была. – оскорбился Кагэцуна, но более ничего не сказал.

– Господин! – обратился к князю Усами. – Прошу вас, помните – будьте крайне осторожны в своих высказываниях и действиях, никому не доверяйте и никого не слушайте! Всегда обсуждайте дела, только со своими вассалами и больше ни с кем. Хамочи попросили нас о помощи, но им тоже не стоит доверять!

– Спасибо Усами! Я запомню всё, что ты мне сказал. – коротко, но уважительно поклонился Кагэтора своему советнику. Для того, это была высшая честь и даже немного растрогала его.

– На острове, – продолжил Садамицу. – есть мои люди. Когда вы придёте, они свяжутся с вами и доложат обо всём, что услышали и увидели. Вы их выслушайте, но слепо не доверяйте, подумайте.

– Ты порой удивляешь меня! – усмехнулся Кагэтора. – Ты просишь не доверять твоим же людям?

– Совершенно верно! Дело в том, что я плохо знаю клан Хонма, и соответственно, не ведаю насколько они умны. Может статься, что моих шпионов уже давно переманили. – прищуривши один глаз, произнёс Усами. Вид его был взволнован и задумчив. Он не на мгновение не отрывал кисти от своей бородки. Кагэтора заметил, что старик очень тревожится за него, как за собственного сына.

– Всё будет хорошо Усами. – улыбнувшись, сказал Кагэтора. – Бисямон-тэн не даст нас в обиду.

– Если бы это было так. – пробубнил Садамицу себе под нос.

Через недолгое время, всё было готово к отправке. В самом конце, к армии Нагао присоединился хозяин порта, Каджи Харуцуна. Огэн, вышла проводить своего мужа, вместе с немногими слугами. Вид её был печален. Точно, такой же, как и в новогодний праздник, когда

она хотела рассказать, что-то о своём супруге. Кагэтора встретил их у причала. В руке князя, был тот самый, длинный меч, который ему преподнёс посол острова Садо.

– Сестра Огэн! – князь протянул клинок женщине. – Этот меч принадлежал твоему дяде, Хамочи Таканобу! Он подарил его мне, но ты имеешь больше отношение к нему, чем я. Поэтому, я дарю его тебе, в знак моего расположения!

Огэн опустила голову. Она была уже не в том возрасте, чтобы смущаться, словно девица, но всё же, её щёки порозовели. Кагэтора, который и знать её, не знал, вдруг преподносит такой подарок. И не простой, а меч. Как члену самурайского рода, своего рода. Для Огэн, и как для женщины, и как для дочери, о которой давно забыли, это было верх всякой чести. Она заплакала.

– Господин! Вы не обязаны этого делать! Я ведь обычная...

– Пустое. – прервал её Кагэтора. – Я сам решаю, что мне делать и кому, что дарить.

– Тогда! – женщина подняла голову и посмотрела заплаканными глазами на даймё. – Окажите эту честь моему мужу! Он так же, как и я, имеет право носить этот меч!

Нагао одобрительно кивнул и протянул нодачи Харуцуне:

– Теперь он твой Каджи.

Харуцуна больше не улыбался, напротив, его лицо стало даже грустным. Он упал на колени, склонил голову и поднял руки над собой. Клинок плавно лёг в его раскрытые ладони.

– Я не знаю, как благодарить вас Кагэтора-сама! – в сердцах произнёс он.

– Знаешь. – только и сказал князь. Развернувшись, он зашагал по пристани к своему кораблю.

Вскоре, все тридцать два корабля отплыли от берегов Этиго. Это был достаточно большой флот для северной провинции, набранный в столь короткие сроки. Благодаря дипломатичным Шибата, которые перекупили несколько судов в Оу, Кагэтора смог усадить на свои корабли полторы тысячи воинов, тридцать пять лошадей и провизию на три месяца. Именно на три, потому, как князь Нагао больше там не намеревался задерживаться.

Весь флот состоял из сэки-бунэ – остроносых, средних размеров, кораблей. Двигались они, рассекая морскую гладь, с помощью вёсел и одного паруса, который, в случае шторма или боя, легко спускался и убирался вместе с мачтой. Сам же Кагэтора шёл на атакэ-бунэ – большом и малоподвижном судне, походившем на свои меньшие аналоги, но без носа. На палубе была возведена небольшая башня, типа тэнсю, служившей покоями для господина, что вполне, делало из корабля настоящий плавучий замок. Над башней развевался чёрно-белый парус с моноом клана Нагао.

Кагэтора взобрался на крышу своей башни и устремил свой взор на бескрайний водный простор. Судно, то и дело, покачивалось из стороны в сторону, но молодого даймё это не беспокоило. Он впервые был в море, но тут же влюбился в него. Прохладный ветерок, запах морской воды и крики чаек – всё это природное великолепие наполняло его чистой, невообразимой энергией. Кагэтора уселся на черепицу, скрестил перед собой ноги и принял медитативную позу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.